

Николас Старгардт

МОБИЛИЗОВАННАЯ НАЦИЯ

Германия
1939–1945

18+

Топ-100 выдающихся книг 2015 года по версии *New York Times*
Лауреат *PEN Hessel-Tiltman Prize* 2016

Николас Старгардт

**Мобилизованная нация.
Германия 1939–1945**

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

Старгардт Н.

Мобилизованная нация. Германия 1939–1945 / Н. Старгардт — «Азбука-Аттикус», 2015

ISBN 978-5-389-19267-6

Книга оксфордского профессора, одного из самых авторитетных исследователей нацизма, рассказывает о Второй мировой войне с точки зрения граждан Германии. В ее основу легли частные письма и дневники времен войны. В хронологическом порядке, с 1939 по 1945 г., изложено, как немцы восприняли начало войны, какие у них были надежды и страхи и как менялись их мысли и чувства в моменты побед и поражений, а также после разгрома нацизма. Автор подробно останавливается на том, как граждане воюющей страны воспринимали репрессии и жестокости на завоеванных территориях и в самой Германии, как относились к покоренным народам, к евреям и к «окончательному решению еврейского вопроса», а также на сложных взаимоотношениях между государством и церковью. Много места уделено теме массовой нацистской пропаганды. Немалый интерес представляют подробности повседневной жизни Германии на фронте и в тылу: нехватка продовольствия и промтоваров, карточная система, бомбежки, эвакуация, взаимоотношения с иностранными рабочими, проблемы детей и подростков. Занимая совершенно очевидную антинацистскую позицию, Николас Старгардт сознательно избегает оценок, стремясь дать беспристрастное, подтвержденное документами описание. «Это книга о долгой войне. Шаг за шагом на ее страницах мы проследим за изменениями немецкого общества и за тем, как почти незримо, но необратимо отдельные люди приспосабливались к войне, течение которой, как они с каждым днем чувствовали все больше, перестало поддаваться какому бы то ни было влиянию с их стороны. Мы проследим за сменой ожиданий, колебаниями надежд и опасений личностей, проходивших через формировавшие их события. Истории этих людей дают нам эмоциональное мерило пережитого и служат нравственным барометром общества, вступившего на путь

саморазрушения». (Николас Старгардт) В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(430).086

ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-19267-6

© Старгардт Н., 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Карты	8
Предисловие	16
Действующие лица	19
Введение	20
Часть I	34
1	34
2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Николас Старгардт

Мобилизованная нация: Германия 1939–1945

Шаг за шагом автор демонстрирует, как менялось отношение населения Германии ко Второй мировой войне в ходе развертывания конфликта и побуждает читателей переосмыслить те вещи, которые казались знакомыми. Объемный исторический труд, наводящий на глубокие размышления.

Марк Роузман, профессор истории, Индианский университет в Блумингтоне

Богатый и впечатляющий пример этического осмысления проблемы с сохранением непредвзятости и критичности. Автор распутывает паутину пропаганды и морализма, чтобы дать нам возможность взглянуть на военный конфликт глазами немцев – как нацистов, так и тех, кто не поддерживал Гитлера. Нам словно выпадает шанс пережить эпизоды войны вместе с современниками тех событий. Немалый риск – описывать историю этой невероятно жестокой и разрушительной войны будто изнутри, через призму чужого восприятия.

Джейн Каплан, почетный профессор, колледж Святого Антония в Оксфорде

Выдающаяся книга выдающегося историка. На основе вдумчивого исследования частной переписки, секретных документов, пропагандистских материалов и других источников показано, что именно и в какой момент узнавали немецкие граждане – как солдаты, так и мирное население – о ходе войны, что они думали о ней, и как режим, всегда принимавший во внимание настроения людей, видоизменялся в зависимости от этих настроений. Шедевр исторического описания, органично сочетающий взгляд с отдаленной перспективы и частную микроисторию этого катастрофического периода XX века.

Ян Томаш Гросс, историк, социолог и политолог, профессор Новой истории, Принстонский университет, автор книги «Соседи. История уничтожения еврейского местечка»

Лавируя между рифами чудовищного насилия войны и отмелями невероятной сложности отдельных судеб, между вызовами, встающими перед простыми людьми, и безжалостностью неподвластной им военной машины, автор развертывает повествование, основанное на богатейшем материале. Это не просто рассказ или история, это настоящий эпос.

Джефф Эли, профессор истории и германистики, Мичиганский университет

В этой книге словно мощным прожектором высвечивается проблема национального самосознания. В ней объясняется – что мало кому удавалось, – почему немецкий народ продолжал драться до самого конца.

Шелдон Гэрон, профессор японистики, Принстонский университет

Потрясающая книга. В ней блестяще исследуются дневники, письма и другие ранее неизвестные источники и содержится яркое и тонкое понимание мотивации простых немцев, сражавшихся в самой ужасной войне всех времен. *Ян Кершоу, историк, специалист по истории нацизма, член Британской академии, автор книг «Гитлер» и «Конец Германии Гитлера. Агония и гибель»*

Прекрасно написанная и убедительно аргументированная книга. Необходимое чтение.

Саул Фридлендер, израильский историк, лауреат Пулитцеровской премии, специалист по истории Холокоста, автор книги «Нацистская Германия и евреи»

Детальные портреты немецких мужчин и женщин, своего рода отчет немцев о личном опыте войны.

Times Literary Supplement

Превосходное и значимое исследование на тему Второй мировой войны. *Spectator*

Неожиданные прозрения как в отношении человечности, так и поворота к варварству.

Economist

Яркая история повседневной жизни отражает сложные чувства простых немцев при нацистском режиме... Превосходное исследование.

Guardian

Масштабное социальное полотно.

New York Review of Books

Сложный портрет нации, охваченной патриотизмом и негодованием, взволнованной ранними военными победами и гордящейся боевыми способностями вермахта.

Foreign Affairs

© Nicholas Stargardt, 2015

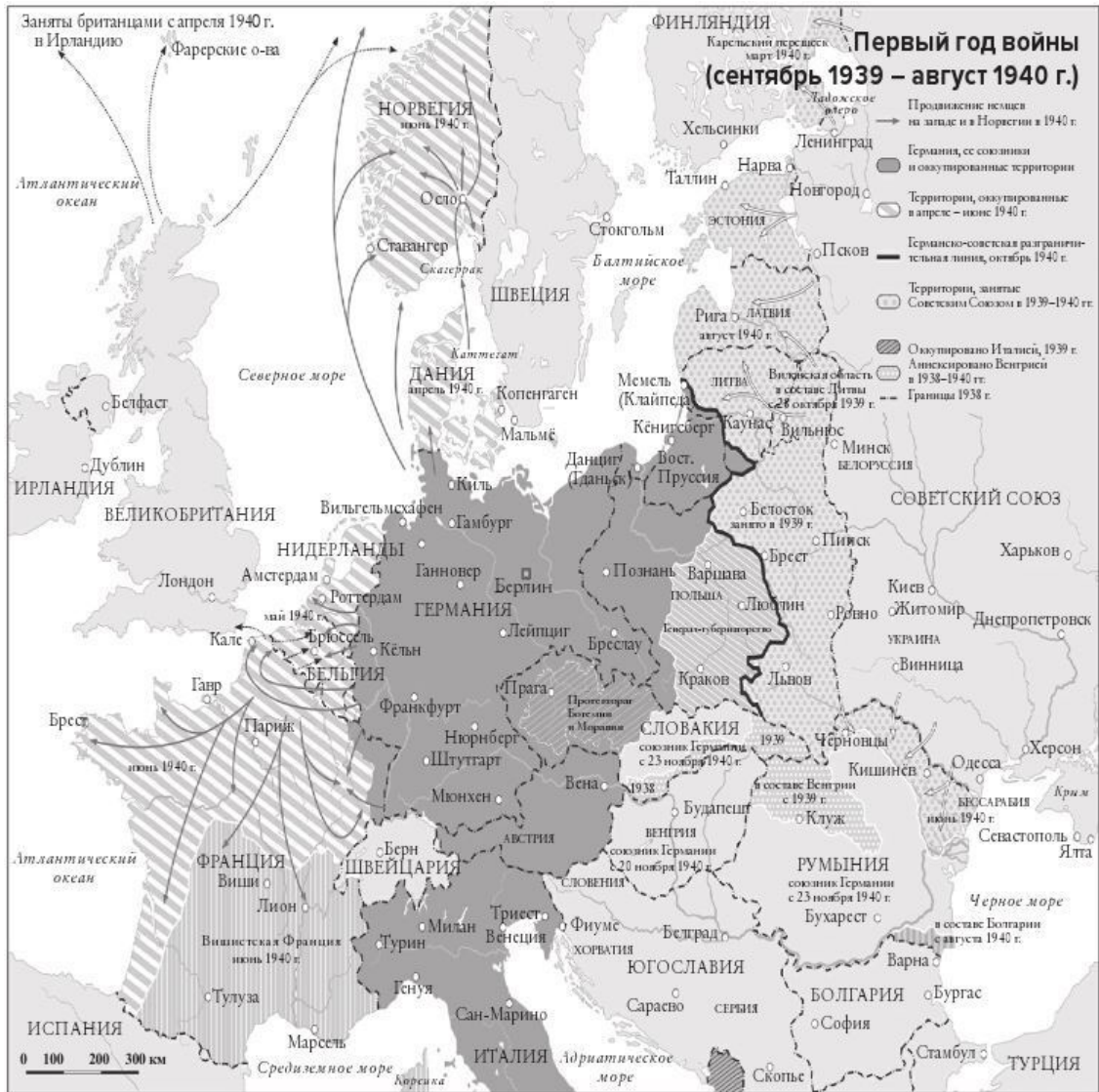
© Колин А. З., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

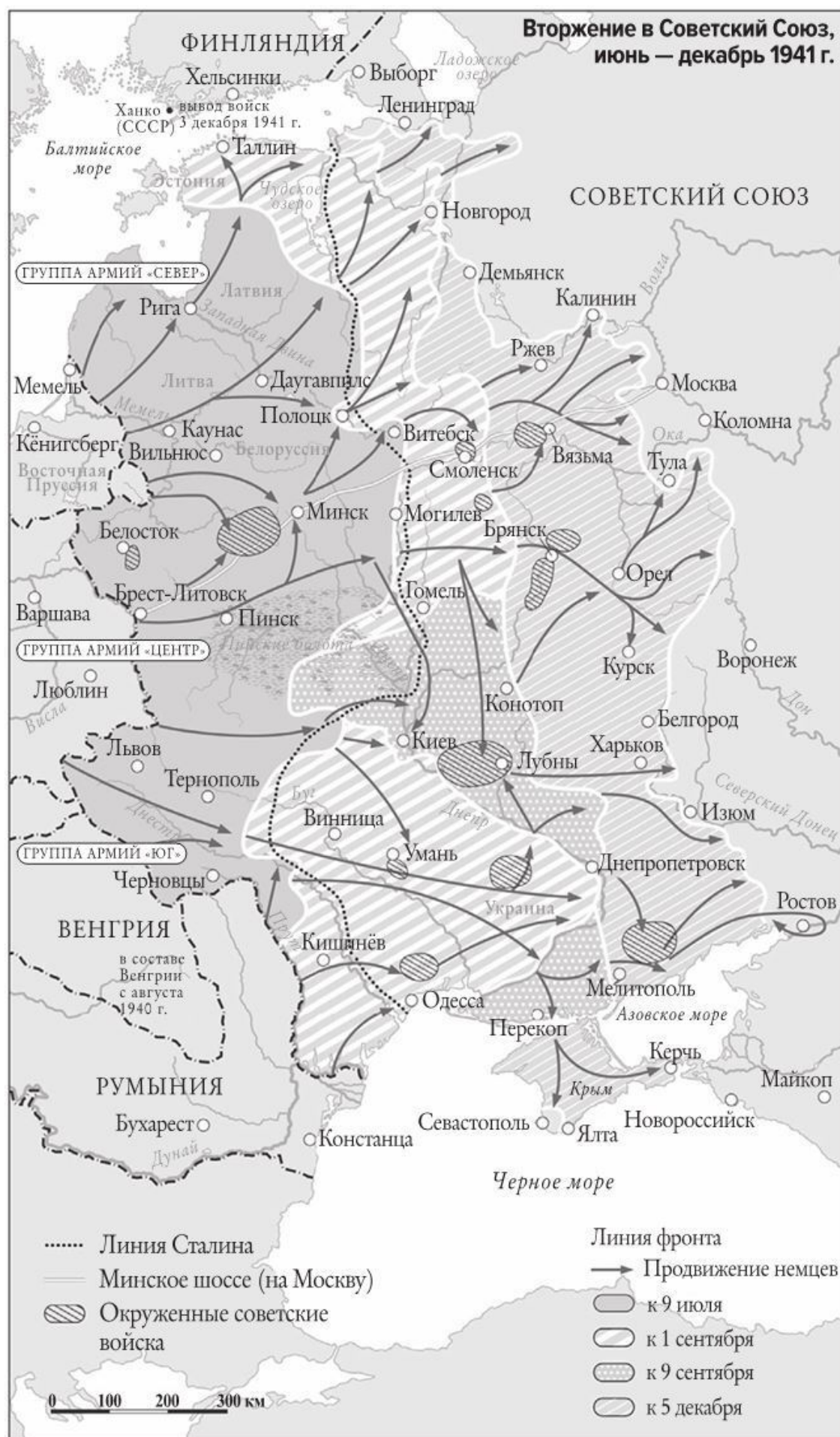
КоЛибри®

Карты

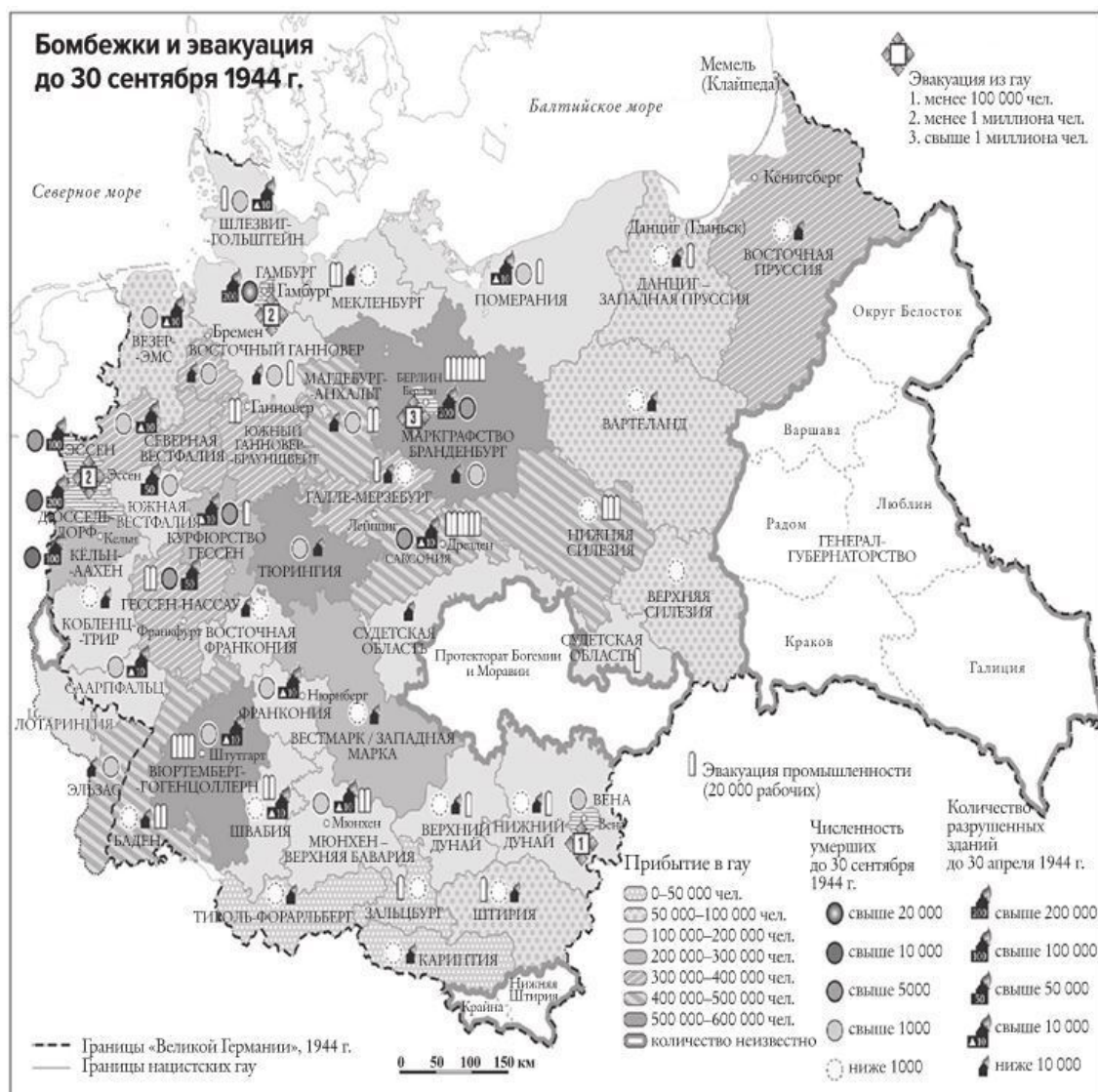

Предисловие

Представленная вниманию читателя книга венчает временной отрезок продолжительностью более двадцати лет, в течение которых я старался понять опыт и переживания людей, живших в Германии и под немецкой оккупацией во время Второй мировой войны. Книгу эту, признаюсь, я вообще изначально писать не собирался. В 2005 г. я клялся себе и другим, что, едва успев закончить «Свидетели войны: жизнь детей в нацистской Германии» (Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis), никогда не вернусь к теме детей, Холокоста и нацистской Германии. Работа начиналась как небольшой очерк о том, за что же все-таки сражались немцы; меня одолевало стремление кое-что сказать по этому поводу. Позднее, на протяжении академического отпуска в Свободном университете Берлина в 2006–2007 гг., эссе зажило своей жизнью и стало перерастать в нечто более крупное.

Между двумя книгами явно существует преемственность. Наиболее очевидное сходство – мой интерес к изучению субъективного в истории общества на примере письменных документов эпохи и попытка понять механизм восприятия людьми разворачивавшихся вокруг них событий; ведь в таких случаях никто не знает наперед, как все закончится. Но нельзя не заметить и столь же явных различий. В книге «Свидетели войны» я стремился относиться к детям как к самостоятельным игрокам на общественном поле, к тому же пытаюсь совместить несовместимое – точки зрения детей, которых война и расизм разделили на победителей и побежденных. Книга, которую вы держите в руках, выявляет иную проблему: как докопаться до страхов и надежд общества, откуда происходили победители и преступники, чтобы понять, как немцы оправдывали войну для самих себя. Чтобы заострить внимание на вопросе, я постарался «настроить объектив» разом в ширину и в глубину, для первого используя «крупный» план, основываясь на информации из подслушанного в разговорах людей осведомителями или выявленного военной цензурой при перлюстрации писем; для второго – обратившись к выбранным мной индивидам, представителям разных слоев социума, наблюдая на протяжении значительного периода времени за изменением их чаяний и планов по мере течения войны и приобретаемого с нею опыта. При таком подходе голоса жертв звучат тише, чем в «Свидетелях войны», но не умолкают совсем; вместе с тем без такого контрастного фона невозможно прочувствовать, насколько различно – и часто эгоистически – немцы выстраивали свое ограниченное понимание войны.

Одной из главных составляющих данной книги выступают собрания писем друг к другу возлюбленных, близких друзей, родителей и детей, ну и, конечно, супружеских пар. Подобными источниками пользовались многие историки, но зачастую с иным результатом. К примеру, Библиотека Новой истории (Bibliothek für Zeitgeschichte) в Штутгарте располагает знаменитой коллекцией примерно из 25 000 писем, собранных Рейнгольдом Штерцом. К сожалению, письма каталогизированы по хронологии, а не по авторам, а потому наглядно показывают срез субъективных мнений в конкретные моменты войны, но не дают возможности проследить цепочку – установить, насколько твердо написавший их человек держался своих убеждений на более или менее продолжительном временном отрезке. При отборе я взял на вооружение другой подход. Мне важен обмен корреспонденцией продолжительностью как минимум в несколько лет, что дает возможность наблюдать процесс изменения и развития личных отношений между людьми – да и самих мотивов, заставлявших их браться за перо, – по мере течения событий. Данный метод позволяет воссоздать более точную картину – посмотреть на происходящее через ту самую призму, сквозь которую отдельные индивиды видели и оценивали самые важные его моменты.

Нет-нет, этот подход к исследованиям придуман не мной. Выработали его историки Первой мировой войны начиная с 1990-х гг., и тут я многому научился у Кристи Хэммерле. Осо-

бенно повезло мне с возможностью получить доступ к личному архиву Вальтера Кемповски еще при его жизни; и я никогда не забуду теплый прием, оказанный мне Вальтером и Хильдегард Кемповски у них дома в Натуме. Сам архив хранится теперь в Академии художеств в Берлине. В собрании дневниковых записей (Deutsches Tagebucharchiv) в Эммендингене мне очень помог Герхард Зайтц, как и Ирина Ренц – в Библиотеке Новой истории в Штутгарте. В Берлине ценными материалами снабжали меня Андреас Михаэлис из Немецкого исторического музея, Файт Дидцунайт и Томас Яндер из Архива полевой почты (Feldpostarchiv) при Музее связи и Государственного архива; как и Христиане Боцет из Военного архива Государственного архива (Bundesarchiv-Militärarchiv) во Фрайбурге. Клаус Баум и Конрад Шульц из архива свидетелей Иеговы в Германии в Зельтерс-Таунус предоставили мне экземпляры прощальных писем, написанных свидетелями Иеговы перед казнью за отказ от военной службы, а Александр фон Платон из Института истории и биографии в Люденшайде познакомил меня с обширной коллекцией из начала 1950-х гг., где содержатся воспоминания школьников времен войны в Архиве Вильгельма Ройсслера (Wilhelm Roessler-Archiv). Я очень благодарен Ли Герхальтеру и Гюнтеру Мюллеру из Венского университета за материалы из Документации биографических записей (Dokumentation lebensgeschichtliche Aufzeichnungen) и Коллекции женского наследия (Sammlung Frauennachlässe). В особом долгу я перед Жаком Шумахером за его неистощимое стремление помогать на любом этапе моих исследований. Финансовую поддержку оказали мне Фонд Александра Гумбольдта (Alexander von Humboldt Foundation) и «Леверхюльм-Траст» (Leverhulme Trust), каковым я тоже очень и очень признателен.

Наделанные мною на протяжении такого продолжительного периода интеллектуальные долги слишком велики, чтобы суметь поблагодарить всех, кому я обязан. В 2006–2007 гг. в Берлине Юрген Коцка показал себя прекрасным хозяином, да и вообще не сосчитать людей, сделавших мое пребывание в Германии памятным и продуктивным. Многие друзья и коллеги подпитывали во мне волю к работе, делились идеями и находками, очень живо показав, что история – это продукт коллективного творчества. Среди моих замечательных коллег на историческом факультете Оксфорда и колледжа Магдалины я особенно благодарен Полу Беттсу, Лоренсу Броклиссу, Джейн Каплан, Мартину Конуэю, Роберту Гилдеа, Рут Харрис, Мэтту Хоулброку, Джейн Хэмфрис, Джону Найтингейлу, Шону Пули и Крису Уикэму.

В издательстве «Бодли-Хэд» (Bodley Head) мне очень повезло сотрудничать с Йоргом Хенсеном, Уиллом Салкином и, после выхода Уилла на пенсию, со Стюартом Уильямсом. С невероятной энергией и проницательным умом Лара Хеймерт ввела меня в мир фундаментальных изданий проекта Basic Books. Их приверженность к публикации книг, в которые они верили, действовала невероятно подбадривающе и порой вселяла в меня так необходимую для продолжения изысканий уверенность. Лара и Йорг отлично дополняли друг друга как редакторы, причем Йорг взял на себя тяжкую обязанность редактировать текст страница за страницей. Работать с ними было сплошным удовольствием, и я благодарен всем, включая Клэр Александер и Салли Райли из Aitken-Alexander, которые оставались моими феями-крестными, делясь своей мудростью и воодушевляя меня на протяжении работы. Мне очень и очень повезло с ними.

Без интеллектуальной щедрости и поддержки многих друзей эта книга, по всей вероятности, так никогда бы и не появилась на свет. Пол Беттс, Том Броуди, Штефан Людвиг Хоффманн, Иэн Кершоу, Марк Роузман, Жак Шумахер, Джон Уотерлоу и Бернд Вайсброт – все они откладывали свою работу, чтобы по моей просьбе прочитать рукопись целиком. Я крайне признателен всем им и каждому в отдельности за бесценные советы, за информацию из их собственных исследований и за то, что оберегли меня по меньшей мере от некоторых грубейших исторических ошибок. Рут Харрис и Линдал Ропер прочитали весь текст дважды и оставили на нем неизгладимый след. На каждом из этапов проекта Линдал обсуждала со мной ключевые

идеи в ходе попыток сформулировать их наилучшим образом. Никаких слов не хватит для выражения моей благодарности.

Николас Старгардт

Оксфорд, 3 июня 2015 г.

Действующие лица

(в порядке появления на страницах повествования)

Эрнст Гукинг, крестьянский сын из Гессена, профессиональный солдат, пехотинец, и *Ирен Райц*, флористка из Лаутербаха (Гессен); поженились во время войны.

Вильм Хозенфельд, католик, ветеран Первой мировой и сельский учитель из Талау в Гессене, служил в немецком гарнизоне в Варшаве; его жена *Аннеми*, певица и протестантка, перешедшая в католичество; у них пятеро детей.

Йохен Клеппер, писатель из Николасзее (Берлин), женатый на *Иоганне*, обратившейся в протестантизм еврейке с двумя дочерьми.

Лизелотта Пурпер, фотокорреспондент из Берлина, и *Курт Оргель*, юрист из Гамбурга, офицер артиллерии; они поженились во время войны.

Виктор Клемперер, еврей-протестант, ветеран Первой мировой войны и ученый, и его жена *Ева*, в прошлом концертирующая пианистка.

Август Тёппервин, ветеран Первой мировой войны и преподаватель гимназии из Золингена, офицер, ответственный за военнопленных, и его жена *Маргарете*.

Фриц Пробст, столяр из Тюрингии, военнотрудовой строительного батальона, и его жена *Хильдегарда*; у них трое несовершеннолетних детей.

Гельмут Паулюс, сын врача из Пфорцхайма и старший из четырех детей (остальные трое подросткового и юношеского возраста), пехотинец.

Ганс Альбринг и *Ойген Альтрогге*, оба из Гельзенкирхен-Бюра близ Мюнстера, друзья и члены движения католической молодежи; связист и пехотинец.

Вильгельм Мольденхауер, лавочник из Нордштеммена близ Ганновера, радист.

Марианна Штраус, еврейка, воспитательница детского сада из Эссена.

Урсула фон Кардорфф, журналистка из Берлина.

Петер Штёлтен из Целендорфа в Берлине, вестовой и (позднее) командир танкового подразделения.

Лиза де Бор, журналистка из Марбурга, замужем за *Вольфом*; трое взрослых детей: *Моника*, *Антон* и *Ганс*.

Вилли Резе, стажер-делопроизводитель в банке Дуисбурга, пехотинец.

Мария Кундера, работница железнодорожной станции Михельбойерн близ Вены, и *Ганс Г.*, сын железнодорожника, парашютист-десантник.

Введение

Вторая мировая война заслуживает права называться Немецкой войной как никакая другая. Нацистский режим превратил развязанный им конфликт в наиболее чудовищную бойню во всей европейской истории, прибегая к методам геноцида задолго до строительства первой газовой камеры на территории оккупированной Польши. Третий рейх уникален и тем, что потерпел полное поражение в 1945 г., к тому моменту до дна истощив моральные и физические ресурсы немецкого общества. Даже японцам не довелось сражаться у ворот Императорского дворца в Токио, а вот немцы дрались возле Имперской канцелярии в Берлине. Для ведения войны на подобном уровне нацистам пришлось добиться от людей такой общественной и личной мобилизации, какая, несмотря на все старания, в предвоенный период им и не снилась. И все же спустя семьдесят лет, невзирая на горы книг о причинах войны, ее ходе и творившихся тогда зверствах, мы до сих пор не знаем, за что же, по разумению самих немцев, они сражались и каким образом они смогли продолжать войну – вплоть до самого конца. Представленная вниманию читателя книга рассказывает о том, что переживал германский народ и что он перенес во время той войны¹.

Казалось бы, Вторая мировая должна была покинуть общественное сознание с течением лет и по мере угасания переживших ее поколений. Но происходит совсем наоборот. И особенно в Германии, где за последние пятнадцать лет появилось море кинолент и документальных фильмов, прошло множество выставок, увидела свет масса книг по данной теме. Академическое и популярное освещение вопроса имеет тенденцию типичного раскола во мнениях – склонность изображать немцев либо как жертв, либо как преступников. За последнее десятилетие громче звучит именно тема жертвы, поскольку авторы делают упор на воспоминаниях гражданских лиц, переживших огненные бури, разыгравшиеся в результате бомбардировок немецких городов авиацией Великобритании и США; на страданиях немецких беженцев, пытавшихся спастись перед лицом наступающей Красной армии; на убийствах и изнасилованиях, выпавших на долю тех, кто не успел убежать. Многие из пожилых немцев воскрешают в памяти самые болезненные картины прошлого просто из желания быть услышанными – рассказать и оставить это позади раз и навсегда. СМИ же превратили страдания мирного населения во времена войны в дело сегодняшнего дня, сосредоточивая внимание на бессонных ночах, ужасе перед налетами и непрекращающихся ночных кошмарах. Возникают общества так называемых детей войны, к месту и не к месту звучат термины вроде «травма» и «коллективная травма», призванные описывать подобного рода переживания. Но разговоры о травме демонстрируют тенденцию подчеркивать пассивность и невиновность перенесших их людей, и это вызывает сильный моральный резонанс. Так, в 1980-х и 1990-х гг. под понятие «коллективная травма» подогнали и воспоминания уцелевших после Холокоста, что сулит жертвам «получение прав» – своего рода политическое признание².

Только крайне правые маргиналы, выходящие каждый февраль на митинги в память бомбардировки Дрездена в 1945 г. с плакатами «бомбовый Холокост», уравнивают беды мир-

---

¹ Переосмысление последней фазы войны: Kershaw, *The End*; Geyer, 'Endkampf 1918 and 1945' // Lüdtke and Weisbrod (eds.). *No Man's Land of Violence*, 35–67; Bessel, 'The shock of violence' in *ibid.*, *No Man's Land of Violence*, 69–99, and Bessel, *Germany in 1945*.

² О бомбежках см.: Groehler, *Bombenkrieg gegen Deutschland*; Friedrich, *Der Brand*; об изнасилованиях: Sander and John (eds.). *Befreier und Befreite*; Beevor, *Berlin*; Jacobs, *Freiwild*; опыт и переживания женщин во время войны: Dörr, 'Wer die Zeit nicht miterlebt hat...' 1–3; бегство: Grass, *Im Krebsgang*; e. g. Schön, *Pommern auf der Flucht 1945*; беседы с немецкими детьми: Lorenz, *Kriegskinder*; Bode, *Die vergessene Generation*; Schulz et al., *Söhne ohne Väter*; критические обсуждения: Kettenacker (ed.). *Ein Volk von Opfern?*; Wierling, "'Kriegskinder'" // Seegers and Reulecke (eds.). *Die 'Generation der Kriegskinder'*, 141–155; Stargardt, *Witnesses of War*; introduction; Niven (ed.). *Germans as Victims*; Fritzsche, 'Volkstümliche Erinnerung' // Jarausch and Sabrow (eds.). *Verletztes Gedächtnis*, 75–97.

ного населения Германии со страданиями жертв нацистской политики уничтожения. Но даже такого рода провокации далеки от несгибаемого национализма, подогреваемого в 1950-х гг. в Западной Германии, где немецких солдат воспевали как героев за их «самопожертвование», тогда как их «зверства» списывали на убежденных нацистов, прежде всего эсэсовцев. Удобный штамп «холодной войны» о «хорошем» вермахте и «плохих» СС, очень пригодившийся для перевооружения Западной Германии и принятия ее как полноценного члена в НАТО в середине 1950-х гг., не выдерживает критики в середине 1990-х гг., благодаря – не в последнюю очередь – передвижной выставке «Преступления вермахта», где представлены фотографии публичных казней через повешение и массовых расстрелов с участием простых солдат. Широкий показ личных снимков, которые военнослужащие германских вооруженных сил носили в карманах формы вместе с фотографиями своих детей и жен, вызвал сильнейший отклик, особенно в областях Австрии или бывшей Восточной Германии, где подобные темы до 1990-х гг., как правило, не поднимались. Однако нельзя сказать, будто не последовало обратной реакции, и, когда фокус дискуссии сменился в направлении немецких женщин и детей, ставших жертвами бомбардировок британской и американской авиации или насилия со стороны советских солдат, у некоторых комментаторов возникал страх перед возвратом к превалировавшей в 1950-е гг. практике состязания в том, кто же больше виноват³.

Вместо этого два подпитываемых эмоциями сюжета войны следовали параллельными путями. Несмотря на принятие моральной ответственности, выразившееся в решении о создании крупного памятника Холокоста в центре Берлина, раскол во мнениях о том времени поразителен: кто же немцы, жертвы или преступники? Следя за публичной самокритикой, развернувшейся в Германии в 2005 г., в канун 60-й годовщины окончания Второй мировой войны, я убедился, что необходимость вывести и озвучить поучительные уроки из давних событий сегодня заставила ученых, а равно и СМИ обойти вниманием один из императивов истории, обязывающий нас в первую очередь и прежде всего хорошо понимать прошлое. Самое главное – историки не задавались одним естественным, казалось, вопросом: о чем говорили немцы и что думали они об их роли в то время? Например, до какой степени они выражали готовность обсуждать свое участие в войне на стороне проводившего геноцид режима? И насколько сделанные ими выводы меняли их видение войны в целом?

Кто-то предположит, будто подобные речи в полицейском государстве, да к тому же в военное время, попросту невозможны. В действительности уже летом и осенью 1943 г. немцы начали открыто говорить об убийствах евреев, увязывая их уничтожение с бомбардировками авиацией союзников мирного населения в Германии. Скажем, в Гамбурге отмечалось, «что простые люди, представители среднего класса и прочие граждане между собой, а также и при собрании людей постоянно высказываются, будто налеты есть возмездие за то, как мы обходимся с евреями». В баварском Швайнфурте народ говорил то же самое: «Ужасные налеты есть следствие мер, принимаемых против евреев». После второй бомбардировки города ВВС США в октябре 1943 г. жители открыто жаловались: «Если бы мы не поступали так плохо с евреями, нам бы не пришлось выносить эти ужасные налеты». К тому моменту о подобных настроениях соответствующие службы доносили властям в Берлине не только из крупных немецких городов, но и из «тихих заводей» – из глубинки, почти или вовсе не знавшей бомбежек⁴.

³ Joel, *The Dresden Firebombing*; Niven, *Germans as Victims* /Introduction; о 1950-х гг.: Moeller, *War Stories*; Schissler (ed.). *The Miracle Years*; Gassert and Steinweis (eds.). *Coping with the Nazi Past*; 1995 Wehrmacht exhibition and debate, Heer and Naumann (eds.). *Vernichtungskrieg*; Hartmann et al., *Verbrechen der Wehrmacht*; историческое исследование: Streit, *Keine Kameraden* (1978); Römer, *Der Kommissarbefehl* (2008).

⁴ Hauschild-Thiessen (ed.). *Die Hamburger Katastrophe vom Sommer 1943*, 230; Lothar de la Camp, циркулярное письмо, 28 July 1943; Kulka and Jäckel (eds.). *Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten*, 3693, SD Außenstelle Schweinfurt, o.D. [1944] and 3661, NSDAP Kreisschulungsamt Rothenburg/T, 22 Oct. 1943; Stargardt, 'Speaking in public about the murder of the Jews' // Wiese and Betts (eds.). *Years of Persecution*, 133–155.

Впервые услышав об этом, я испытал глубокое удивление, хотя и не сомневался уже, что послевоенные заявления немцев, будто они ничего не знали и ничего не делали, – не более чем удобная отговорка. Существующие научные данные показывали, что в Германии военной поры везде ходили разговоры о геноциде. Однако прежде я, как и другие историки, предполагал, будто подобная информация распространялась в основном конфиденциально в кругу близких друзей и семьи, выходя за эти рамки только как слухи. Как мог Холокост сделаться предметом всеобщего обсуждения? Более того, подобные дискуссии подвергались отслеживанию и анализу со стороны тех самых сотрудников тайной полиции, служивших власти, каковая и занималась организацией депортации и уничтожения евреев на протяжении двух предшествовавших лет. Что еще более невероятно, всего через несколько месяцев после поступления этих сведений глава полиции и СС Генрих Гиммлер продолжал утверждать перед собранием других главарей Третьего рейха, что только они ответственны за искоренение европейского еврейства, и заявлял: «Мы унесем эту тайну с собой в могилу». Как же случилось, что столь охраняемая тайна стала явной? На протяжении последних двадцати пяти лет Холокост вышел на центральные позиции в нашем взгляде на нацистский период и Вторую мировую в целом. Однако, по меркам истории, произошло это совсем недавно, а потому мы никак не можем на данном основании делать выводы о том, как же именно видели свою роль немцы в ту пору⁵.

18 ноября 1943 г. капитан доктор Август Тёппервин фиксировал в дневнике услышанные им «отвратительные, но, по-видимому, верные подробности о том, как мы уничтожали евреев (от детей до стариков) в Литве!». Он отмечал слухи о погромах и раньше, уже в 1939 и 1940 гг., но не на таком уровне. На сей раз Тёппервин дерзнул рассмотреть страшные факты с точки зрения морали, задаваясь вопросом, кого же законно убивать на войне. Он расширил список от неприятельских солдат и партизан, действующих в тылу у немецких войск, до ограниченных коллективных актов возмездия по отношению к потворствовавшим им гражданским лицам, но даже и тогда был вынужден признать, что совершаемое в отношении евреев есть вещи совсем иного порядка: «Мы не просто уничтожаем воюющих с нами евреев, мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой!»⁶

Глубоко верующий протестант и консерватор, учитель по профессии, Август Тёппервин с самого начала испытывал сомнения в отношении мотивов и методов войны, беспокоясь из-за жестокости политики Гитлера. Похоже, он персонифицирует тот моральный настрой и политическую отчужденность от нацизма, находившие выражение не в каком-то откровенном сопротивлении системе, но в определенной степени неприятия и во «внутреннем» несогласии с призывами и требованиями режима. Но существовала ли на деле подобная тихая «духовная гавань»? Считать ли все выражения колебаний в письмах к близким и в личных дневниках некой внутренней оппозицией, а не всего лишь неуверенностью и реакцией на вызовы, перед которыми оказался автор? И в самом деле, Август Тёппервин продолжал верой и правдой служить режиму до последних дней войны. Выразив свое прозрение в словах «мы в буквальном смысле стремимся вырезать этот народ под корень как таковой», он умолк. Собственное признание, похоже, не противоречило для него вере в возложенную на Германию цивилизационную миссию идти на восток ради защиты Европы от большевизма.

Тёппервин более так и не поднимал тему убийства евреев до марта 1945 г., когда впервые за все время стал отчетливо осознавать неизбежность поражения Германии: «Человечество, которое ведет такую войну, сделалось безбожным. Русское варварство на востоке Германии, кошмарные налеты британцев и американцев, наша борьба с евреями (стерилизация здоровых женщин, расстрелы всех от детей до старух, отравление газом евреев целыми вагонами)!» Если

⁵ Kershaw, 'German popular opinion' // Paucker (ed.). *Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland*, 365–386; Bankier, *The Germans and the Final Solution*; Himmler, *Die Geheimreden*, 171: речь в Познани, 6 Oct. 1943; Confino, *Foundational Pasts*.

⁶ Orlowski and Schneider (eds.). *'Erschießen will ich nicht!'*, 247: 18 Nov. 1943.

приближающийся разгром казался ему своего рода наказанием свыше за содеянное по отношению к евреям, то, как следует из слов Тёппервина, последнее было не хуже и не лучше, чем действия союзников против немцев⁷.

Применительно к лету и осени 1943 г. мотивации, побуждавшие мирное население на домашнем фронте от Гамбурга до Швайнфурта так открыто и обреченно говорить о злодеяниях Германии против евреев, заключались в ином. В период между 25 июля и 2 августа 1943 г. бомбардировкам с воздуха подвергся Гамбург, где разгорелся гигантский огненный смерч, уничтоживший половину города и стоивший жизни 34 000 человек. Многих немцев случившееся заставляло искать параллели с апокалипсисом. Как доносила Служба безопасности СС (СД), демонстративный террор по отношению к жителям главных городов послужил – «к великому прискорбию» – причиной исчезновения по всей Германии «чувства безопасности», сменившегося «слепой яростью». В первый день бомбежки, 25 июля, произошло и еще одно важное событие, хотя и за пределами Германии. Итальянского диктатора Бенито Муссолини, находившегося у власти двадцать один год, свергли собственные соратники в результате бескровного переворота. Немцы немедленно связали воедино то и другое. На протяжении следующего месяца народ, по словам осведомителей, открыто обсуждал, не стоит ли последовать примеру итальянцев и заменить нацистский режим военной диктатурой, поскольку такая перестановка сулила «лучший» или, возможно, даже «последний» шанс достигнуть «сепаратного мира» с Западом. В умах нацистского руководства подобные настроения виделись наверняка тревожным индикатором падения боевого духа в народе и опасностью повторения капитуляции и революции ноября 1918 г.

В действительности кризис продлился недолго. К началу сентября 1943 г. все закончилось, поскольку режим поспешил вложить значительные ресурсы в улучшение гражданской обороны и организовать массовые эвакуации из городов. Между тем военное положение вермахта в результате занятия значительной территории Италии стабилизировалось, ну и гестапо со своей стороны удалось подавить «пораженческие» разговоры, похватав некоторых особо откровенных граждан. Как в размышлениях Тёппервина, так и в публичных обсуждениях тему ответственности немцев за убийство евреев подогревало чувство глубокого морального и физического беспокойства, поскольку набиравшее силу и размах наступление Бомбардировочного командования британских ВВС распространяло ощущение уязвимости далеко за пределы подвергавшихся бомбежкам городов. Значение временного политического кризиса, спровоцированного ударами по Гамбургу, состояло в факте выхода страха на поверхность; дальнейшие обострения стали развиваться по тем же шаблонам – в разговорах немцами будет руководить смешанное чувство обеспокоенности из-за собственной вины и их роли жертв⁸.

Для немецких евреев их понимание войны неизбежно формировал разворачивавшийся Холокост. Но другие немцы воспринимали все с противоположной точки зрения: их в основном тревожила война, в свете чего они и воспринимали геноцид. Взгляд у тех и других на одни и те же вещи складывался совершенно несхожий, обусловленный сильнейшей разницей в возможностях и выборе, искаженный абсолютно разными страхами и надеждами. Эта проблема и сформировала мой подход к написанию истории происходившего в Германии в военное время. Если другие авторы подчеркивали механизмы массовых убийств и обсуждали, почему вообще стал возможен Холокост, я в большей степени сосредоточился на том, как именно само немецкое общество воспринимало и принимало эти знания в форме свершившегося факта. Какое воздействие оказало на немцев постепенное осознание того, что они участвуют в войне и геноциде? Или, если поставить вопрос по-другому, как война привела их к пониманию того, что есть геноцид?

⁷ Ibid., 338: 17 Mar. 1945.

⁸ MadR, 5571, 5578–9 and 5583: 5 and 9 Aug. 1943; Stargardt, 'Beyond "Consent" or "Terror"', 190–204.

Период июля и августа 1943 г. оказался, совершенно очевидно, моментом одного из глубочайших кризисов за все военное время в Германии, когда люди от Гамбурга до Баварии объясняли гигантские налеты союзников на города и уничтожение в них множества гражданских лиц воздаянием за то, «что мы сделали евреям». Такие разговоры о каре от союзников, или о «еврейском возмездии», подтверждают верность соображения о том, что позиция нацистской пропаганды, настырно – особенно в первые шесть месяцев 1943 г. – подававшей авианалеты как «еврейский бомбовый террор», в общем и целом населением принималась. Однако реакция народа приобрела неожиданный для властей оттенок самобичевания, крайне неприятно поразив Геббельса и прочих нацистских вождей. Казалось, людям хотелось разорвать порочный круг уничтожения теперь, когда немецкие города стали превращаться в руины. Однако «меры, принимаемые против евреев», как именовалось в устах СД их фактическое убийство, уже отошли в прошлое: массовые депортации евреев по всей Европе закончились в прошлом году. Огненная буря в Гамбурге поставила немцев в условия новой «тотальной» войны, ибо угроза уничтожения с воздуха сделалась безграничной.

Примитивные дуалистические метафоры «или – или», «быть или не быть», «все или ничего», «победа или смерть» имели в идеологии Германии долгую историю. Они лежали не только в основе главных идей Гитлера с самого поражения Германии в 1918 г., но выступали краеугольным камнем пропаганды Первой мировой войны с 6 августа 1914 г., когда кайзер озвучил свое «Обращение к германскому народу». Однако не этот апокалиптический взгляд на вещи поддерживал и укреплял популярность Гитлера в 1930-е и в первые годы Второй мировой, хотя ближе к концу войны восприимчивость немецкого общества к таким рассуждениям действительно заметно выросла. Отвернувшаяся от немцев военная фортуна словно овеществила экстремистские речи. В свете «бомбового террора» союзников угроза самому существованию – «быть или не быть» – обрела очень неприятный буквальный смысл. Пищей для развития кризиса летом 1943 г. послужил охвативший немцев страх перед перспективой сполна изведать ужасы развязанной ими беспощадной расистской войны. В ходе преодоления сильнейшего кризиса суровая реальность заставила людей не только распрощаться с прежними ожиданиями и прогнозами в отношении течения войны, но и переступить через традиционные нравственные запреты, забыть о привычных понятиях порядочности и стыда. Воевавшие за Гитлера немцы вовсе не обязательно были нацистами, но в любом случае им предстояло на собственном примере уяснить, сколь тщетен расчет остаться в стороне от беспощадности войны и избежать воздействия созданных ею апокалиптических умонастроений⁹.

Такая способность кризисов во время войны видоизменять или укоренять общественные ценности глубочайшим образом сказывается на нашем взгляде на взаимоотношения нацистского режима и немецкого народа. На протяжении последних тридцати лет большинство историков считали, будто кризисы, вызванные сожжением Гамбурга или гибелью 6-й немецкой армии под Сталинградом несколькими месяцами ранее, повергли немецкое общество в повальное уныние и пораженчество, и население, шаг за шагом отчуждавшееся от режима с его целями, в массе своей удерживалось в узде лишь нацистским террором. В действительности прямой связи между падением народного одобрения политики властей и ростом репрессий в середине войны не наблюдается: количество смертных приговоров в судах драматическим образом подскочило с 1292 случаев в 1941 г. до 4457 в 1942 г., то есть до окончательного разгрома под Сталинградом. Немецкие судьи реагировали тогда не на рост недовольства и брожение в низах, а на давление сверху, прежде всего со стороны Гитлера, требовавшего беспощадно карать уголовников, особенно рецидивистов. Существовала к тому же и система расового правосудия, в результате чего львиную долю казненных составляли угнанные на работу в Герма-

⁹ Kershaw, 'Hitler Myth'; Kershaw, *Hitler*, I–II; Wilhelm II, 'An das deutsche Volk', 6 Aug. 1914 // *Der Krieg in amtlichen Depeschen 1914/1915*, 17–18; Verhey, *The Spirit of 1914*; Reimann, *Der grosse Krieg der Sprachen*.

нию поляки и чехи. Лишь осенью 1944 г., когда армии союзников сосредоточились на границах Германии, под растущую волну репрессий стали попадать «рядовые немцы», однако настоящий разгул террора наблюдался только в заключительные недели боевых действий – в марте, апреле и в первые несколько дней мая 1945 г. Даже последние спазмы массового насилия не повергли в безмолвие немецкое общество; скорее, напротив, многие граждане Германии продолжали считать, что как верные патриоты обязаны открыто критиковать провалы нацистов. По собственному разумению немцев, их готовность делать это играла важную роль в борьбе с врагом до самого конца войны¹⁰.

Живучее представление о пораженчестве среди немцев основывается до известной степени на здравом смысле: историки увязывают между собой успехи режима и одобрение народа, с одной стороны, и провалы нацистов с критикой и недовольством в их адрес – с другой. Подобные шаблоны, несомненно, работают в мирное время, но не в условиях глобальной войны. Иначе нельзя объяснить происходившее на самом деле. Как же немцы смогли продолжать сражаться с 1943 по 1945 г., когда материальные и людские потери с их стороны только нарастали, причем неизменно? Эта книга представляет совершенно иной взгляд на воздействие поражений и кризисов на немецкое общество во время войны. Террор, безусловно, играл свою роль в отдельные моменты, но он никогда не служил единственной – или наиболее важной – причиной того, почему немцы продолжали драться. Нельзя сбрасывать со счетов ни нацизм, ни саму по себе войну, поскольку немцы рассматривали перспективы своего поражения в свете самого их существования как народа. Чем хуже шли дела на фронте, тем более очевидно «оборонительный» характер принимало противостояние. Сменявшие друг друга, но вовсе не приводившие к крушению кризисы выступали в качестве катализатора радикальной трансформации, по мере того как немцы пытались овладеть обстановкой и переосмыслить грядущее – то, чего им следует ожидать и к чему готовиться. Да, конечно, крупные бедствия вроде Сталинграда и Гамбурга катастрофически снижали популярность режима, но сами по себе они не ставили под вопрос необходимость следовать путем патриота. Тяготы войны высветили и показали во всем многообразии недовольство и конфликты внутри немецкого общества, полномочия сглаживать и разрешать которые оно вверяло тому же самому режиму. Однако какой бы ни становилась война, она оставалась оправданной – больше чем нацизм. Кризисы в Германии в середине войны не породили повальное пораженчество, а, напротив, укрепили связывающие общество узы. Именно на этих более сложных и динамичных обстоятельствах в реакции немцев на события войны я и сосредоточил внимание в книге.

Когда 26 августа 1939 г. вышел приказ о мобилизации, немцы и понятия не имели, что их ожидает. Однако многие не скрывали мрачного отношения к перспективе войны. Они хорошо помнили вчерашний день: 1,8 миллиона погибших на фронте в прошлом конфликте; «брюквенная зима» 1917 г.; «испанка» 1918 г.; и лица изможденных голодом детей – ведь британский Королевский военно-морской флот продолжал держать страну в блокаде и в 1919 г. с целью принудить новое германское правительство к подписанию унизительных условий мирного соглашения, «продиктованных» ему Антантой. Доминантой в германской политической жизни в 1920-х и 1930-х гг. сделались попытки сорваться с крючка Версальского договора, но даже крупнейший внешнеполитический триумф Гитлера – Мюнхенское соглашение 1938 г. – уходил в тень перед страхом вновь оказаться в состоянии войны с прежними противниками. Первый, и главный, урок 1914–1918 гг. гласил – никогда не повторять подобного. Когда же пришла война, а с ней и карточная система, то и другое народ встретил с мрачной миной. В первую зиму жители городов сравнивали нехватку провизии, одежды и прежде всего угля для

¹⁰ Наиболее важный вклад в эту интерпретацию в целом: Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen*; Martin Broszat, 'Einleitung' // Broszat, Henke and Woller (eds.). *Von Stalingrad zur Währungsreform*; Joachim Szodrzynski, 'Die „Heimatfront“' // Forschungsstelle für Zeitgeschichte in Hamburg (ed.). *Hamburg im 'Dritten Reich' 633–885*; из последних работ, Schneider // *der Kriegsgesellschaft*, 802–834. По смертной казни, Evans, *Rituals of Retribution*, 689–696.

отопления с зимами 1916 и 1917 гг., ворча и кляня хронический дефицит. Ничего хорошего в плане готовности немцев «держаться» подобные настроения для властей не предвещали, о чем СД предупреждала нацистское руководство в еженедельных рапортах о «настроениях в народе».

С точки зрения нацистов, начальные месяцы войны подняли критически важные вопросы прочности их правления впервые с самого прихода к власти в 1933 г. Если брать поверхностный уровень, им в предвоенные годы явно сопутствовал успех. По разным причинам – от приспособленчества до простого удобства или даже убеждений – членство в партии выросло с 850 000 человек в конце 1932 г. до 5,5 миллиона в преддверии войны. К тому времени Национал-социалистическая женская организация включала в себя 2,3 миллиона человек, а Гитлерюгенд и Союз немецких девушек – 8,7 миллиона, причем во всех этих структурах активно действовали всевозможные курсы идеологической подготовки, от вечерних посиделок до недельных сборов в летних лагерях. Наследники рабочих комитетов взаимопомощи и профсоюзных организаций – Национал-социалистическая народная благотворительность и Германский трудовой фронт – могли похвастаться соответственно 14 и 22 миллионами членов. Особенно впечатляет в большинстве своем добровольный характер службы персонала. К 1939 г. две трети населения состояли по меньшей мере в одной из массовых организаций партии¹¹.

Такой ошеломительный успех основывался на сеющем рознь горьком наследии принуждения и согласия. В 1933 г. после долгих лет уличных боев нацисты получили наконец шанс довести дело до конца и разделаться с политическими оппонентами – покончить с левыми. При активном содействии полиции, армии, даже пожарных СА и СС окружали районы проживания «красных», проводили там методичные обыски, запугивая и избивая жителей, арестовывая местных активистов и функционеров. Затем, на волне постоянных налетов, последовал официальный запрет организаций левого крыла: коммунистов – в марте, профсоюзов – в мае и, наконец, в июне 1933 г. – социал-демократов. В мае 50 000 оппозиционеров – в большинстве своем коммунисты и социал-демократы – уже находились в концентрационных лагерях. К лету 1934 г., на пике террора против левых, налаженный аппарат насилия нацистов перемолол не менее 200 000 мужчин и женщин. Публичные наказания в лагерях, со всем присущим им репертуаром унижений и бессмысленной муштры, имели целью добиться унификации взглядов и слома воли заключенных. Настоящий успех программы «переучивания» показал себя в массовом освобождении запуганных и забитых пленников и возвращении их в семьи и сообщества. К лету 1935 г. в лагерях содержались не более 4000 заключенных – олицетворяемую левыми «другую Германию» нацисты как явление политическое раздавили полностью и бесповоротно¹².

С началом в августе 1939 г. в Германии мобилизации гестапо позаботилось о повторных арестах бывших социал-демократических политиков. Труднее оценить степень успеха режима в искоренении субкультуры рабочего класса, служившей опорой левых движений с 1860-х гг. Несомненно, какие-то ее анклавы сохранились уже под новой вывеской. До 1933 г. в футболе господствовали рабочие спортивные клубы, включавшие в себя около 700 000 членов, а также 240 000 спортсменов из католических обществ. И пусть Германский трудовой фронт быстро вобрал их в себя, а нацисты реорганизовали всю структуру футбольных союзов, сделав их куда более соревновательными и зрелищными, по-настоящему контролировать болельщиков власти не могли. В ноябре 1940 г. товарищеский матч в Вене закончился полномасштабными беспорядками: местные болельщики бросились на площадку после последнего свистка и швыряли камнями в гостей соревнования до тех пор, пока те не покинули стадион. В их авто-

¹¹ Kater, *The Nazi Party*; Benz (ed.). *Wie wurde man Parteigenosse?*; Nolzen, 'Die NSDAP', 99–111.

¹² Peukert *Inside Nazi Germany*; Gellately, *Backing Hitler*; Wachsmann, *Hitler's Prisons*; Caplan and Wachsmann (eds.). *Concentration Camps*; Evans, *The Third Reich in Power*, chapter 1.

бусе выбили окна; здорово досталось даже машине гауляйтера¹³ Вены. Органы безопасности усматривали в происшествии в первую очередь акт политической демонстрации, но они явно заблуждались. На самом деле оба клуба имели традиционную, сугубо лояльную и в прошлом «красную» рабочую основу, а сам товарищеский матч местные рассматривали как шанс поквитаться за унижительный проигрыш «Адмиры» «Шальке» в 1939 г. со счетом 9:0, в германском финале, поскольку болельщики, с подозрением относившиеся к череде блистательных успехов команды из Рурской области, приписывали ее победу тенденциозному судейству в Берлине. Беспорядки питались традиционной мужской верностью землякам и городу в той же мере, в какой и протестом австрийцев против притока заносчивых «пруссаков» в Вену после аншлюса в марте 1938 г.¹⁴

Глеющие угли рабочей солидарности утратили всякий потенциал. Мир, так долго и скрупулезно создаваемый социал-демократами за счет взаимопомощи, хоровых кружков, физкультурных секций, похоронных обществ, детских садов и велосипедных клубов, нацисты либо включили в свои организации, либо уничтожили. В июле 1936 г. ссыльные социал-демократы оплакивали крушение традиций коллективизма, признавая, что «заинтересованность рабочих в судьбе своего класса исчезла в значительной степени, если не полностью. Ее сменил мелко-травчатый личный и семейный эгоизм». С возвращением после войны левого движения голос его зазвучал с новой силой, однако оно не смогло воссоздать прочную организационную субкультуру догитлеровских времен. Конечно, на момент начала войны СД и гестапо не могли знать, насколько успешным оказалась их комбинированная политика подавления и вовлечения, и настороженно отслеживали действия представителей рабочего класса, усматривая в них постоянную угрозу¹⁵.

Нацисты могли не беспокоиться относительно среднего класса – фермеров, хозяев собственных дел, мастеровых высокого уровня, образованных профессионалов и управленцев. Протестанты встречали «национальную революцию» нацистов радостно – с энтузиазмом и надеждами, сравнимыми с выражением поддержки войне в 1914 г. Объединяющим фактором служило неприятие «безбожного» модернизма Веймарской республики; у протестантов он ассоциировался с «идеями 1789 г.», пацифистами, демократами, евреями и всеми теми, кто принимал поражение. Протестантские пасторы и теологи начали выковывать этот широкий альянс еще в 1920-е гг. с разговоров о создании новой «народной общности», звучавших привлекательно для многих представителей всего политического спектра. Вчерашние либералы, консерваторы, члены католической Партии Центра, даже бывший электорат социал-демократов – все они носились с «народной общностью» во время Первой мировой войны и в годы Веймара, то есть до превращения идеи в ключевой лозунг нацистов. Даже консервативные еврейские националисты вроде историков Ганса Ротфельса и Эрнста Канторовича тяготели к подобной «национальной революции» и не очень понимали потом, отчего это им пришлось убираться из страны как представителям «неарийской» расы¹⁶.

Подобные ненацисты ставили национальное раскаяние за провал в 1918 г. во главу угла некоего будущего подвига сограждан на пути к «спасению народа». Многие так хорошо послужившие нацистам аргументы породило вовсе не само движение, они пришли со стороны – от людей вроде молодого теолога и бывшего военного капеллана Пауля Альтхауса. Отрекшийся от пацифизма в 1919 г., он настаивал на обязанности немцев показать себя вновь достойными милости Божьей через выступление против условий Версаля. Мешая в рассуждениях тонкость

¹³ От нем. Gau (область) и Leiter (руководитель); глава областной партийной организации в Третьем рейхе. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

¹⁴ Oswald, *Fußball-Volksgemeinschaft*, 282–285; Havemann, *Fußball unterm Hakenkreuz*.

¹⁵ *Sopade* 3, 836: 3 July 1936; Schneider, *Unterm Hakenkreuz*.

¹⁶ Sonthheimer, *Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik*; Wildt, 'Volksgemeinschaft' // Steber and Gotto (eds.). *Visions of Community in Nazi Germany*, 43–59; Schiller, *Gelehrte Gegenwelten*; Eckel, *Hans Rothfels*.

богословской аргументации с воинственным национализмом, Альтхаус превратился в грозную фигуру и одного из главнейших пропагандистов консервативного лютеранства и идеи богоизбранности немецкого народа. Им, по его разумению, предстояло спастись, только показав себя достойными оказанного свыше доверия. И пусть многие радикальные нацисты безуспешно пытались отвратить народ от религии, они с готовностью откликнулись на разговоры церковников о духовном перерождении народа. А тем временем более универсалистские и пацифистские взгляды, как, например, идеи Пауля Тиллиха, успешно подвергались оттеснению и поруганию усилиями ненацистских теологов вроде того же Альтхауса¹⁷.

С приходом к руководству страной нацисты отказались от затеи крупномасштабной социальной инженерии, сосредоточившись на революции чувства. Вскарabкавшись на властный Олимп, они спланировали и организовали народный театр, привлекая военизированные формирования с их флагами, солдатскими башмаками и формой, ну и, конечно, факельными шествиями. Амбиции нацистов простирались в святая святых буржуазной культуры – местные театры, где их агитпроп с пьесками о сопротивлении фрайкоров¹⁸ французской оккупации Рура в 1920-х гг. бросил вызов традиционному классическому репертуару, берущему истоки в XIX столетии. В 1933–1934 гг. нацисты вышли за физические рамки обычного театра путем создания *тингшпиля* – морализаторских постановок нового типа, разыгрывавшихся под открытым небом с гигантскими мимическими интерлюдиями и при участии масс исполнителей, достигавших 17 000 человек, перед аудиторией иной раз до 60 000 зрителей. Как правило, целью таких огромных шоу служило стремление заставить немцев переродиться и изгнать из них комплекс проигравших Первую мировую войну. В принадлежавшей перу Рихарда Ойрингера постановке «Немецкие страсти» (*Deutsche Passion*) павшие солдаты Первой мировой войны в буквальном смысле восстают из могил и батальонами маршируют через сцену, при этом белые лица призраков сверкают из-под стальных касок, а герои взывают к единению и духовному возрождению¹⁹.

К 1935 г. мода на тингшпиль, как и работа нацистского агитпропа в муниципальных театрах, набрала максимальные обороты. И тут Геббельс столкнулся с бунтом владельцев абонементов, начавших отказываться от их продления. Он тут же поменял подход, уволив новых директоров из нацистов и заменив их компетентными профессионалами. Состоявшая преимущественно из представителей среднего класса аудитория получила вожденную классику. В ноябре 1933 г. 10-ю годовщину мюнхенского пивного путча отмечали нацистскими пьесами; десять лет спустя – операми Моцарта. Несмотря на отступление на фронте репертуарной политики, Геббельс продолжал вкачивать огромные ресурсы в театры – на их финансирование уходило фактически больше средств, чем на саму пропаганду²⁰.

Существовал риск, что достижения нацистов, сумевших покончить с отчаянной нищетой и беспорядками времен Великой депрессии, послужили мощным, но неглубоким стимулом для оказания поддержки Третьему рейху со стороны народа. Ключевые партийные и государственные органы опасались эфемерного характера их успехов: в верхах возникали огромные сложности с оценкой того, насколько прочно удалось внушить населению основные нацистские ценности и идеалы. За ширмой «народной общности» не стихали дебаты относительно экономического перераспределения и социальной политики, о «реформе жизни» и педагогики и даже о том, можно ли женщинам носить брюки или все-таки только юбки. Гитлер всегда старался избегать «папских»²¹ высказываний на публике, а один из главных идеологов партии

¹⁷ Ericksen, *Theologians under Hitler*; Hetzer, 'Deutsche Stunde'; Stayer, *Martin Luther*; Schüssler, *Paul Tillich*.

¹⁸ Фрайкор (Freikorps – «свободный корпус») – наименование полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII–XX вв. – *Прим. науч. ред.*

¹⁹ Strobl, *The Swastika and the Stage*, 58–64, 104, 134–137.

²⁰ Ibid., 187.

²¹ То есть подобный высказываниям римских пап. – *Прим. науч. ред.*

Альфред Розенберг, как раз допускавший догматические заявления, вызывал повсеместное раздражение крайне антихристианскими позициями и, совершенно очевидно, не располагал при новом режиме заметной политической властью²².

В преддверии войны большинство немцев принадлежали к традиционным христианским общинам и одновременно состояли в организациях нацистской партии; но все-таки гораздо больше – 94 % – числили себя католиками или протестантами, тогда как в нацистских организациях состояли две трети населения. Церкви являлись наиболее важными отдельными гражданскими институтами в Германии, и немало священников и пасторов отправились в концентрационные лагеря за критику в адрес нацистов с церковной кафедры. В июле 1937 г. гестапо арестовало самого прямолинейного пастора в Берлине Мартина Нимёллера. Дальнейшую историю Третьего рейха он наблюдал из-за колючей проволоки. В апреле 1945 г. взошел на виселицу в концлагере Флоссенбург молодой протестантский теолог Дитрих Бонхёффер. Потом, много позже, оба превратились в символы гражданского мужества перед лицом натиска нацистской машины подавления. Бонхёффер представлял либеральную, гуманистическую теологию, потесненную и отправленную в ссылку вместе с Паулем Тиллихом. Сами идеи – и Бонхёффер как символическая фигура – обрели актуальность для послевоенной Западной Германии не ранее конца 1950-х – начала 1960-х гг. Нимёллер есть нечто совершенно иное. Вовсе не либеральный демократ, но антисемит, консервативный националист, он служил капитаном подлодки во время Первой мировой войны, в 1919–1920 гг. состоял во фрайкоре и только позднее сделался священнослужителем. Нимёллер деятельно поддерживал Гитлера на выборах, начиная с 1924 г. и вплоть до 1933 г. Когда в 1939 г. запыхал пожар войны, Нимёллер вновь пожелал служить стране на море, о чем писал из Заксенхаузена командующему германским ВМФ адмиралу Редеру. Инакомыслие Нимёллера в 1930-х гг. имело в большей степени религиозный, нежели политический характер, а проповедуемое им христианство боролось за место на поле германского протестантизма²³.

Оказав восторженную поддержку «национальной революции» нацистов в 1933 г., протестанты затем довольно скоро разделились на три направления. Многие пасторы вступили в Немецкое христианское общество, стремившееся расширить духовное обновление в области литургии и теологии: запретить Ветхий Завет и очистить Новый от еврейского влияния, а также изгнать обращенных в христианство евреев из протестантского священничества. Традиционалисты, желавшие защитить Писание и литургию и оградить церковь от давления государства, создали сначала Пасторский союз, а затем, в мае 1934 г., Исповедническую церковь. Раскол этот почти повсеместно трактуется и подается неверно как результат борьбы либералов и нацистов за душу церкви. Но это не так. Пусть Карл Барт – главный автор Барменской декларации²⁴ – остался критиком диктатуры и вернулся в Швейцарию, пасторы из Исповеднической церкви цитировали его не особенно часто; Барт был не лютеранином, как большинство немецких протестантов, а кальвинистом. Многие пасторы по обе стороны этих духовных баррикад – в том числе и Нимёллер – выступали за те же в основе своей националистические, авторитарные и социально цементирующие политические ценности.

Подобные тенденции предоставляли отличный шанс выдвинуться третьей группе внеблоковых лютеранских теологов, объединившихся вокруг Пауля Альтхауса. Он не вступил в нацистскую партию, но деятельно приветствовал получение Гитлером поста канцлера как «чудо и дар Божий». Хотя Альтхаус никогда не участвовал в ритуалах сожжения книг запрещенных авторов, подобные акции он оправдывал. Прокатившиеся по Германии в ноябре

²² Martina Steber and Bernhard Gotto, 'Introduction', and Lutz Raphael, 'Pluralities of National Socialist ideology', both in Steber and Gotto (eds.). *Visions of Community in Nazi Germany*, 1–25 and 73–86; Noakes, *Nazism*, 4, *The German Home Front*, 355–359.

²³ Bentley, *Martin Niemöller*; Gailus, 'Keine gute Performance' // Gailus and Nolzen (eds.). *Zerstrittene Volksgemeinschaft* 96–121.

²⁴ Программный документ Исповеднической церкви, принятый на ее первом синоде в мае 1934 г. и направленный против профашистского движения «немецких христиан». – *Прим. науч. ред.*

1938 г. еврейские погромы Альтхаус подавал под соусом всевластия Господня над историей – якобы сами страдания евреев теперь свидетельствуют об их виновности²⁵.

Мир германского католицизма тоже разделился, но в данном случае по поколениям. Возраст епископов колебался между шестьюдесятью и восьмьюдесятью годами, то есть они годились в отцы большинству протестантских теологов и нацистских вожаков. В основном епископы удостоились рукоположения в десятилетия до Первой мировой войны и прошли школу крайне консервативной неоаристотелевской теологии, внутренне последовательной и отвлеченной в выборе языка. Святые отцы проклинали «модернизм» за болячки либерализма, социализма, коммунизма и атеизма. Разделявшие престарелых епископов и более молодых священнослужителей и мирян пустоты приводили к трениям и внутри церкви на коммуникативном и политическом уровнях. Если епископы демонстрировали тенденцию видеть социальные реформы узко и консервативно, многие молодые католики рассматривали «национальную революцию» 1933 г. в свете возможности принять более деятельное участие в формировании немецкого общества. Война лишь способствовала обострению раскола между консерваторами и реформаторами²⁶.

Нацисты оказывали определенное давление: запрещали движение католической молодежи, старались сильнее секуляризовать образование и принудить сеть психиатрических клиник организации «Каритас»²⁷ к проведению насильственной стерилизации пациентов. В период летних каникул 1938 г. нацистские активисты убрали распятия из школ в Баварии, чем вызвали глубокое раздражение со стороны населения сел и маленьких городков, обратившего праведный гнев на известных радикалов из СС, прежде всего на местного гауляйтера Альфреда Розенберга. Однако католики не очерняли само нацистское движение и зачастую оставались активными членами нацистских организаций, стараясь найти поддержку у более привлекательных, с их точки зрения, вожаков, таких как Герман Геринг. Гитлер и сам тщательно откорректировал свои взгляды на вопросы религии, поэтому архиепископ Мюнхена кардинал Фаульгабер и примас церкви Германии кардинал Бертрам Бреслауский пребывали в убеждении, будто фюрер – глубоко набожный человек. Верность делу нации привела католическую церковь и нацистский режим в период войны в лоно союза, называемого в последнее время историками вынужденным «сотрудничеством антагонистов»²⁸.

В отсутствие привычного и понятного им духовного водительства отдельные католики и протестанты очутились перед лицом вынужденной необходимости преодолевать проблемы и сложности, связанные с вопросами совести, доверяя мысли письмам и дневникам, в результате чего предоставили историкам бесценные нравственные записи, отражающие образ мыслей наиболее либеральных и гуманных членов «народной общности»²⁹.

Когда в сентябре 1939 г. вспыхнула война, в Германии ее приняли крайне нерадостно. Однако никто особо не терзался в поисках ответа на вопрос, почему она началась. Если в Британии и Франции мало кто сомневался, что нападением без веских причин на Польшу Гитлер развязал конфликт ради завоеваний, немцы пребывали в уверенности, будто вынуждены воевать ради самообороны из-за махинаций союзников и агрессивных поползновений поляков. О подобных воззрениях в серьезных исторических исследованиях упорно не писали и не пишут – лишь где-то мельком что-то всплывает на сайтах авторов, потворствующих неонацистам.

²⁵ Althaus, *Die deutsche Stunde der Kirche*, 3rd edn, 5; Gailus, *Protestantismus und Nationalsozialismus*, 637–666.

²⁶ Brodie, 'For Christ and Germany', D. Phil., Oxford, 2013.

²⁷ От лат. «милосердие». Национальные благотворительные католические организации, возникшие на рубеже XIX–XX вв. – Прим. науч. ред.

²⁸ О конфликте см.: Kershaw, *Popular Opinion and Political Dissent*, 185–223; Stephenson, *Hitler's Home Front*, 229–264; антагонистическое сотрудничество: Süß, 'Antagonistische Kooperationen' // Hummel and Kösters (eds.), *Kirchen im Krieg*, 317–342; Kramer, *Volksgenossinnen an der Heimattfront*; Brodie, 'For Christ and Germany', chapter 3.

²⁹ Stargardt, 'The Troubled Patriot', 326–342.

В нашу эпоху кажется довольно странным, что тогда в такие вещи искренне верили многие немцы, причем вовсе не являвшиеся махровыми нацистами. Как они могли перепутать намеренно разжигаемую их властями жесточайшую империалистическую войну с войной ради обороны отечества? Как могли они видеться себе патриотами в кольце врагов, а не борцами за дело Гитлера с его расой господ?

Первая мировая послужила не только мерилom нужды и тягот в тылу, на домашнем фронте. Она в основе своей обусловила характер понимания причин Второй мировой войны в следующем поколении. Это Британия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии, точно так же как Россия начала мобилизацию в 1914 г., а потом вторглась в Восточную Пруссию³⁰. В августе 1914 г. пожар разгорелся после долгого процесса «окружения» неприятельскими державами, предположительно с подачи Великобритании, стремившейся сохранить мировую гегемонию и ослабить Германию. Те же доводы, причем выраженные в тех же фразах, зазвучали и в 1939 г., по мере того как немцы отмечали в дневниках вехи польского кризиса. И снова британские имперские амбиции выступали в роли корня всех зол; кровожадность Британии особо подчеркивал безоговорочный отказ ее правительства от неоднократно озвучиваемых Гитлером мирных предложений – после захвата Польши и затем опять, в 1940 г., после падения Франции. В общем, идея оборонительной войны вовсе не представлялась лишь измышлением, навязанным народу нацистской пропагандой. Многие из тех, кто вовсе не приходил в восторг от нацистов, рассматривали противостояние именно так. Все в Германии воспринимали Вторую мировую через призму Первой, независимо от того, пережили они ее или нет. По меньшей мере на раннем этапе немцам не пришлось сразу воевать на двух фронтах, как в 1914 г., избежав кошмара благодаря подписанному в последнюю минуту договору о ненападении с Советским Союзом. Однако к Рождеству 1942 г. Германия опять находилась в состоянии войны с Британией, Россией (СССР) и Америкой – точь-в-точь как в 1917 г.

Культ «фронтowego поколения» и литературы о Первой мировой – не важно, критической, как в «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка, или восторженной, как в «В стальных грозах» Эрнста Юнгера, – создавали впечатление неповторимой уникальности поколения воинов 1914–1918 гг, оторванного ко всему прочему от поколения отцов, росших в мирной тишине минувшего столетия. Существовал или не существовал на деле конфликт отцов и детей? Первая мировая война часто рассматривалась именно с такой точки зрения. Чего никак не скажешь о Второй. Ощущение неразрывного порочного круга повторяющихся войн с теми же противниками и на тех же землях наполнило представителей разных поколений братским духом «товарищества». Когда в 1941 г. Гельмута Паулюса отправили на Восточный фронт, его отец, домашний доктор и офицер резерва, повидавший прошлую войну, начал писать сыну как «товарищу». Пока часть Гельмута продвигалась через Румынию и вступала в южные районы Украины, он оказывался в тех же местах, где побывали немецкие войска в предыдущую войну, и его родителям оказалось нетрудно найти среди соседей и знакомых в родном Пфорцхайме кого-нибудь, кто мог описать местность или даже развернуть старые военные карты, позволявшие проследить за боевым путем их сына. Мужчины, гордые «крещением огнем» в траншеях, сравнивали артиллерийские обстрелы с продлившимся десять месяцев сражением при Вердене в 1916 г., видя в их сокрушительной мощи испытание на прочность. Немецкие командиры, приблизившись к Москве в ноябре 1941 г., порой содрогались при мысли о неожиданной перемене удачи по образу и подобию поворота фортуны на Марне двадцать семь лет назад, когда они уже протягивали руки к Парижу.

³⁰ Германия сама объявила войну России 1 августа 1914 г., и только через две с половиной недели после этого началось наступление российских войск; по плану Шлиффена немцы рассчитывали на медлительность России и надеялись за время проведения той мобилизации покончить с французами.

Но отцов и сыновей связывал не только схожий опыт, но и взаимное чувство ответственности поколений. Сыновьям предстояло довершить начатое отцами – разорвать порочный круг, заставлявший каждое поколение сражаться в России. Если левые и либеральные мыслители представляли историю линейно, как непрерывный прогресс, многие консерваторы считали ее цикличной и повторяющейся, как сама жизнь. Зловещую обреченность в свете упадка западной культуры, предсказанного Освальдом Шпенглером в «Закате Европы», развеяло «национальное возрождение» 1933 г., но циклические, естественные метафоры не забылись. Немецкая война в Советском Союзе превратила их в реальность, а абстрактную угрозу повторных разрушений – в борьбу за выживание здесь и сейчас. Чрезвычайная жестокость немцев на востоке только обостряла чувство необходимости в конце концов решительно разорвать замкнутый круг, поскольку в противном случае следующему поколению сыновей Германии придется вновь участвовать в войне.

Такие мысли занимали и будоражили умы с самого начала. Ожидая старта боевых действий на западе осенью 1939 г., некоторые солдаты держались мнения: «Лучше сразу расчистить стол, тогда можно надеяться, что нам больше не придется воевать». И пусть немецким школьникам на протяжении многих поколений внушали, что их «наследственный враг» – Франция, на подсознательном, эмоциональном уровне главную роль тут играла Россия. С 1890 г. даже оппозиционеры из числа социал-демократов клялись встать на защиту Германии от «варваров с востока», если она подвергнется нападению царской России. В августе 1914 г. вторжение российской армии в Восточную Пруссию взметнуло в немецкой прессе волны очень преувеличенных историй и ужасных слухов, а доселе безвестный прусский генерал Пауль фон Гинденбург после одержанной им над противником победы превратился в национального героя. В 1941 г. не представлялось сложным убедить население в необходимости новой войны в России до победного конца ради все той же безопасности на будущее – чтобы следующему поколению не пришлось пройти через все это снова. Начиная от ветеранов Восточного фронта 1914–1917 гг. до молодых солдат, вчерашних школьников, и заканчивая еще жившими с родителями подростками, все считали своим долгом идти на войну, но не за нацистский режим, а во имя ответственности одних поколений немцев перед другими. И именно эти взгляды являлись прочнейшим фундаментом их патриотизма³¹.

Такая отчаянная и полная готовность служить во имя отечества никогда, конечно, не простиралась в бесконечность, но ограничивалась временными рамками. Как подбадривал жену один солдат в феврале 1940 г.: «На следующий год мы всё наверстаем, не так ли?» Два года спустя другой клялся «нагнать попозже, потом, всё то, чего нам пока не хватает». Мечты о послевоенной жизни составляли ядро надежды, превращаясь в мощнейший стимул одержать победу или – чем дальше, тем чаще – избежать поражения. Как бы то ни было, оправданные и необходимые ради великой цели военные годы виделись потерянным временем; настоящая жизнь начнется потом. Один солдат говорил как бы от имени многих, обещая жене: «Тогда наконец заживем». В самый канун Рождества 1944 г. молодой командир-танкист на Восточном фронте писал невесте в Берлин, сетуя по поводу сорванных планов стать художником и высказывая опасение, что война не положит конца череде сменяющих друг друга конфликтов: «После этой войны скоро будет другая, лет через двадцать, что в общих контурах просматривается уже теперь». Затем он обреченно добавил: «Жизнь этого поколения, как мне кажется, измеряется одними катастрофами»³².

Для семей и отдельных личностей война казалась непереносимо долгой. Да, вокруг разворачивались величайшие события, но миллионы писем близким, сортируемые и доставляе-

³¹ MfK-FA, 3.2002.0306, Фриц к Хильдегард П., 6 Oct. 1939; см. также: Latzel, *Deutsche Soldaten*; Goltz, *Hindenburg*.

³² Latzel, *Deutsche Soldaten*, 323 and 331–332; Irrgang, *Leutnant der Wehrmacht*, 235–236; Петер Штёльтен к Доротее Эренсбергер, 21/22 Dec. 1944.

мые адресатам полевой почтой каждый день, служат отличными хрониками доморощенных хитростей, призванных помочь их авторам как-то ужиться с действительностью и приспособиться к ненасытным требованиям войны; они отражают предпринимаемые участниками переписки бессознательные поступательные попытки разложить все по полочкам. Стоя перед необходимостью поддержать уверенность друг у друга, многие пары старались обходить молчанием нарастающие осложнения в их взаимоотношениях, поэтому масштабы перемен вышли на поверхность только после войны, когда разлученные ею люди вновь соединились. В первые послевоенные годы отмечался резкий рост разводов.

Эта книга о длинной войне. Шаг за шагом на ее страницах мы проследим за видоизменением немецкого общества и за тем, как почти незримо, но необратимо отдельные люди приспособлялись к войне, течение которой, как они с каждым днем чувствовали все больше, перестало поддаваться какому бы то ни было влиянию с их стороны. Мы проследим за сменой ожиданий, колебаниями надежд и опасений личностей, проходивших через формировавшие их события. Истории этих людей дают нам эмоциональное мерило пережитого и служат нравственным барометром общества, вступившего на путь саморазрушения.

Часть I

Отражая нападение

1

Ненужная война

«Меня не жди. Увольнительных больше не дают, – царапал пером по бумаге молодой солдат, спеша отправить записку своей подруге Ирен. – Мне нужно прямо в казармы, грузить технику. Объявлена мобилизация». Он едва успел забросить личные вещи к тетке Ирен на Либигштрассе. Но неделя закончилась, и юная флористка уже уехала к родителям. Не имея возможности попрощаться, он написал на конверте: «Фройлейн Ирен Райц, Лаутербах, Банхофштрассе, 105». Молодой профессиональный солдат, унтер-офицер с позапрошлого года, Эрнст Гукинг оказался среди первых, кого отправили в действующие части – в данном случае в 163-й пехотный полк в Эшвеге³³.

На следующий день, 26 августа 1939 г., в Германии официально объявили мобилизацию. Вильм Хозенфельд, школьный учитель в селе Талау, явился в гимназию для девушек на противоположной стороне долины, в Фульду. Как и многие школы по всей Германии, гимназия в тот день служила сборным пунктом для военных, и Хозенфельда восстановили в звании штабс-фельдфебеля, в котором он закончил Первую мировую войну. Многие солдаты в его роте резервистов пехоты тоже были ветеранами прошлой войны, и, получая оружие и снаряжение, он определил свое настроение как «серьезное, но решительное». По мнению Хозенфельда, все они пребывали в убеждении, «что до войны дело не дойдет»³⁴.

Во Фленсбурге молодой пожарный сел в трамвай и поехал в казармы на улице Юнкерхольвег, где, назначенный «унтером по хозяйству», получил в распоряжение велосипед. В 23:00 26-й пехотный полк походным порядком выступил к железнодорожной станции. Несмотря на позднее время, улицы Фленсбурга наполняли толпы людей, пришедших проводить солдат. Служивший в 12-й роте Герхард М. и понятия не имел, куда их отправляют. Он забрался под лавку в теплушке и, как только поезд тронулся, «уснул сном праведника»³⁵.

В зеленом пригороде Берлина Николасзее Йохен Клеппер чувствовал, как проваливается в состояние нервного переутомления. Вопреки всему надеясь, что войны не случится, он терял последний оптимизм и не верил жизнерадостным слухам, повторяемым всеми от квартального партийного старосты до редактора газеты, в которой служил. Больше всего в войне Клеппера пугали перспективы на будущее его жены еврейки Иоганны и 17-летней падчерицы Ренаты. Из письма старшей дочери Иоганны Бригитты, эмигрировавшей в Англию в начале года, он узнал, что в Лондоне полным ходом разворачивается эвакуация. В ближайшее месяцы Клеппер устанет ругать себя за то, что отговорил Иоганну и Ренату ехать вместе с Бригиттой. Он еще находил некоторые поводы для утешения: тон германской прессы и радио перестал быть столь откровенно пугающим, как на протяжении Судетского кризиса в прошлом году. После того как

---

³³ Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*, Эрнст к Ирен, 25 Aug. 1939: все ссылки на их письма только по датам, поскольку переписка содержится на компакт-диске, приложенном к опубликованным выдержкам.

³⁴ Breloer (ed.). *Mein Tagebuch*, 32: Gerhard M., 26 Aug. 1939; Hosenfeld, *‘Ich versuche jeden zu retten’*, ed. Vögel, 242–243: 27 and 30 Aug. 1939.

³⁵ Breloer (ed.). *Mein Tagebuch*, 32–33: Gerhard M., 27 Aug. 1939.

23 августа Германия подписала договор о ненападении с Советским Союзом, пропагандисты перестали твердить о «евреях – поджигателях войны»³⁶.

На протяжении весны и лета 1939 г. германское правительство беспрестанно жаловалось на насилие, чинимое по отношению к немецкому меньшинству в Польше. Центральную роль в разраставшемся кризисе играл «вольный город» Данциг (ныне Гданьск). Населенный преимущественно немцами, но отрезанный от остальной территории Германии, Данциг олицетворял собой все аномалии и обиды послевоенного устройства. Местный нацистский гауляйтер Альберт Форстер получил четкие указания о том, как усилить напряжение, но вместе с тем и не довести противоречия до взрыва. Сосредоточившись на наличии у польской стороны рычагов для удушения города путем прекращения поступления в него продовольствия, он постоянно «подсвечивал» эту опасность в прессе. Обстановка накалилась драматическим образом 30 августа, когда министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп вдруг срочно вызвал к себе ночью британского посла для передачи «последнего предложения» германского правительства по разрешению кризиса. Отосланный затем в Лондон посол сэр Невилл Хендерсон до отъезда так и не получил официального текста требований. Польское правительство при этом вообще никто не представлял. Выполнение условий Гитлера, настаивавшего на проведении новых референдумов о будущем «польского коридора» и в прошлом немецких территорий на западе Польши, гарантированно привело бы к возобновлению основанной на этнической почве гражданской войны, полыхавшей там после Первой мировой. Согласие на требования нацистов раскололо бы Польшу как государство, сделав ее совершенно непригодной для обороны³⁷.

Данциг стал вторым международным кризисом в течение года. Предыдущий запомнился успешной борьбой Гитлера за права судетских немцев, составлявших треть населения Чехословакии. Войны удалось избежать за счет заключения в сентябре 1938 г. соглашения в Мюнхене, но без участия Чехословакии и Советского Союза; однако кризис заставил британцев и французов начать перевооружение. Не прошло и полугода, как Гитлер нарушил торжественное обещание, что Судетская область станет его «последней территориальной претензией», послав вермахт через новую чехословацкую границу и превратив страну в «протекторат рейха». Даже «голуби» из стаи британских консерваторов не могли позволить себе не заметить подобного вероломства, зато Банк Англии успел оказать последнюю услугу Германии – отправить туда из Лондона чехословацкий золотой запас. Для Британии и Франции оккупация Праги 15 марта 1939 г. ясно показала всю тщетность Мюнхена³⁸.

В самом рейхе те же события встретили совершенно иное отношение. В Австрии идея нового Протектората Богемии и Моравии прижилась особенно хорошо, поскольку там видели в нем возвращение коронных земель Габсбургов под законное германское управление. В других уголках Германии, где подобное наследие не ценилось столь же высоко, мнения разделились. В угледобывающем поясе Рура, где проживало полным-полно польских и чешских иммигрантов и их потомков, некоторые сочувствовали чехам. На протяжении кризиса 1938 г. практически вся страна, в том числе ее политическая и военная верхушка, пребывала в убеждении, что Германии войны не выиграть. Так называемый военный психоз, о котором докладывали со всех сторон, оказался настолько силен, что, когда в Мюнхене сторонам удалось договориться, триумфальный звон реляций пропагандистов потонул в звуках выдоха народного облегчения: Геббельсу пришлось напоминать газетчикам о необходимости подчеркивать успех Германии.

³⁶ Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 797 and 792–794: 1 Sept., 26 and 27 Aug. 1939; Wecht, *Jochen Klepper*, 52 and 222–225.

³⁷ Kershaw, *Hitler*, 2, 200–203; Chu, *The German Minority in Interwar Poland*.

³⁸ Blaazer, 'Finance and the End of Appeasement', 25–39.

Гитлер мог плакать от горя из-за того, что у него «украли войну», но в этом он оставался в одиночестве даже среди окружавшей его нацистской элиты³⁹.

К лету 1939 г. настроения немецкого народа очень заметно изменились. В 1938 г. огромные толпы приветствовали Чемберлена в Мюнхене как человека, привезшего им мир. Спустя год британский премьер-министр превратился в комическую фигуру, персонифицирующую разложение и беспомощность западных демократий. В свои семьдесят он был ровно на двадцать лет старше фюрера, и немецкие дети передразнивали его походку и – более всего – аристократический зонтик. Подружка Эрнста Гукинга Ирен Райц, как и многие другие, называла правительство Чемберлена «зонтичным правительством». Оккупация Праги в марте 1939 г. наряду с въездом Гитлера в Вену годом ранее выглядела очередным бескровным триумфом, подтверждая надежду, что французы с британцами вряд ли отважатся на решительные действия⁴⁰.

Гитлеру удалось выставить себя защитником униженного и оскорбленного немецкого меньшинства – он оплатил за страшные и несправедливые обиды и скорбь по утраченным после 1918 г. территориям. В представлении многих немцев, от бывших социал-демократов и давешнего электората католической Партии Центра до протестантских консерваторов, послевоенное польское государство виделось очередным наростом на карте Европы, порожденным диктатом Версальского мирного договора, вынужденно подписанного немецкой делегацией без всякого шанса выставить свои условия.

Тайные информаторы, извещавшие о делах в Германии изгнанных оттуда социал-демократов, не сомневались, что в отношении Польши Гитлер ломился в открытую дверь. По их заключению, даже среди своих – давних сторонников из рабочего класса – все пребывали в уверенности: «Если Гитлер ударит на поляков, большинство населения будет с ним». Сверх всего прочего, пропаганда утверждала, что именно бескомпромиссность поляков и их влияние на Британию не позволяли Германии вырваться из тисков «окружения». Уже в начале лета один из сторонников социал-демократов сообщал им: «Агитация против Англии сегодня настолько сильна, что я убежден, если не считать официального “Да здравствует Гитлер”, люди будут приветствовать друг друга так, как делали в мировую войну: “Боже, покарай Англию”». Гитлер медленно выковывал широкое народное единство, характерное для немецкого общества в 1914 г., из разных слоев, от умеренных левых социал-демократических кругов до консервативно националистических: пусть партии сами по себе перестали существовать, нацисты знали, что субкультура сохранилась, и потихоньку прибирали ее к рукам⁴¹.

В августе 1939 г. германское правительство запустило механизм быстрой и ограниченной по размахам захватнической войны. 15 августа военное командование получило приказ подготовиться к вторжению в Польшу. Проводя собрания с высшими военными чинами в альпийской резиденции 22 августа – в день, когда Риббентроп вылетел в Москву договариваться о заключении соглашения со Сталиным и Молотовым, – Гитлер уверял, будто британцы и французы не возьмутся за оружие. Германско-советский пакт с секретным протоколом о разделе Польши глубоко враждебные коммунистам генералы Гитлера восприняли с облегчением, поскольку таким образом устранялась угроза войны на два фронта. Все выглядело так, будто действия ограничатся польским театром военных действий – короткой и победоносной кампанией, которая продемонстрирует способности военной машины Германии. В соответствии с собственными оценками немецкого правительства, стране требовалось еще несколько лет для

³⁹ Kershaw, *The 'Hitler Myth'*, 139–140; Kershaw, *Hitler*, 2, 173.

⁴⁰ Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal gegrißt*: Ирен к Эрнсту, 3 Sept. 1939.

⁴¹ *Sopade*, 6, 561, 818 and 693: May and July 1939.

надлежащей подготовки к вступлению в «неизбежную», по мнению Гитлера, конфронтацию с Британией и Францией⁴².

В 9 часов вечера 31 августа германское радио прервало передачи для обнародования состоявшего из шестнадцати пунктов предложения фюрера по разрешению кризиса. Как позднее показывал на слушаниях по его делу дипломатический переводчик Гитлера доктор Пауль Шмидт, по признанию фюрера, трансляция служила «способом, особенно для немецкого народа, показать им, что я сделал все для сохранения мира». Общественность еще следила за отчаянной челночной дипломатией посла Хендерсона, метавшегося между Лондоном и Берлином. Однако за кулисами Гитлер старательно оттеснил от рычагов влияния на развитие процесса Геринга и Муссолини, главных посредников в отношениях с Британией и Францией во время Судетского кризиса, из опасения, «как бы в последний момент какая-нибудь свинья не принесла мне очередной план посредничества»⁴³.

В 10:00 в пятницу, 1 сентября, Йохен и Иоганна Клеппер слушали речь Гитлера по радио. «Прошедшей ночью регулярные польские войска впервые обстреляли нашу территорию, – заявил фюрер наскоро собранным депутатам рейхстага. – В 5:45 утра [фактически в 4:45] наши солдаты открыли ответный огонь». Затем Гитлер пообещал ликующим парламентариям «надеть серую полевую форму и не снимать ее, пока не кончится война». Объявления войны не было – Польша такой чести не удостоилась. Слова фюрера служили скорее оправданием «самозащиты» в глазах немцев. Фраза «открыть ответный огонь» прочно вошла в официальный лексикон⁴⁴.

С целью предоставить свидетельства польской «провокации» сотрудники СС и полицейского аппарата, возглавляемые Рейнхардом Гейдрихом, привлекли на помощь местных этнических немцев, которым дали бомбы с часовыми механизмами и список из 223 принадлежавших немецкому меньшинству газет, школ, театров, памятников и протестантских церквей, чтобы продемонстрировать, будто те служили объектами для нападения поляков. К сожалению участников шоу, польская полиция сумела сорвать большинство налетов, поэтому уничтожить удалось только двадцать три цели.

В стремлении убедить британцев воздержаться от выполнения их военных обязательств перед Польшей Гейдриху предстояло сфабриковать «пограничные инциденты» – хитростью сбить с толку польских военных и заставить их перейти границу у Гогенлиндена. Но ничего не вышло, поскольку сам же вермахт уничтожил тамошний пограничный польский пункт. Зато ночью 31 августа отряд эсэсовцев в польской форме напал на немецкую радиостанцию в Глейвице, и один из участников акции, поляк, зачитал коммюнике на польском и немецком языках, кончавшееся словами: «Да здравствует Польша!» Затем его застрелили другие эсэсовцы, оставив тело в качестве вещественного доказательства проведенной врагом акции. Станция в Глейвице располагалась в пяти километрах от границы на немецкой территории, вследствие чего возникал вопрос, как польский отряд смог проникнуть так далеко, не будучи замеченным немцами. Еще сильнее подпортил дело эсэсовцам Гейдриха передатчик – его слабый сигнал попросту не могли слышать в Берлине. Слишком пустячный повод для войны, не убедивший не то что международную общественность, но даже и посланных на место происшествия следователей по военным преступлениям вермахта. Только народ в самой Германии, уже основательно обработанный и взвинченный, с готовностью посчитал себя пострадавшей стороной⁴⁵.

⁴² Baumgart, 'Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. Aug. 1939'; 'Hossbach Niederschrift'; Bussmann, 'Zur Entstehung und Überlieferung der Hossbach Niederschrift', 373–384.

⁴³ Schmidt, *Statist auf diplomatischer Bühne*, 469; Kershaw, *Hitler*, 2, 220–221 and 208.

⁴⁴ Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 796: 1 Sept. 1939; Domarus (ed.). *Hitler*, 1 307–318; Kershaw, *Hitler*, 2, 222.

⁴⁵ Pospieszalski, 'Nazi attacks on German property', 98–137; Runzheimer, 'Der Überfall auf den Sender Gleiwitz', 408–426; Sywottek, *Mobilmachung für den totalen Krieg*, 219–232.

1 сентября 1939 г. застало учителя Вильма Хозенфельда во все той же женской гимназии в Фульде, где шло сосредоточение его части. Он воспользовался свободным временем для написания письма старшему сыну Гельмуту, который только приступил к работе на ферме в рамках полугодового срока Имперской службы труда: «Жребий брошен. Ужасная неопределенность позади. Мы знаем, что нас ждет. Гроза начинается на востоке». Хозенфельд считал возможным избежать войны: «Предложения фюрера были приемлемыми, скромными и помогли бы сохранить мир»⁴⁶.

Родившийся в семье истовых католиков и сельских ремесленников, в 1914 г. Хозенфельд в свои 19 лет поступил по призыву на службу и находился на фронте до тяжелого ранения в 1917 г. В 1920-х гг. он с удовольствием влился в свободное товарищество молодежного движения Вандерфогель. Тут любовь к спорту подтолкнула его к вступлению в ряды нацистских штурмовиков и к проповеди их «современных» ценностей среди консервативных селян в своем Талау. Участие в партийных съездах в Нюрнберге в 1936 и 1938 гг. наполнило Хозенфельда могучим чувством мистического единства с немецким народом. Прогрессивный противник зубрежки и вбивания знаний в учеников в стиле традиционных католических преподавателей, он вместе с тем остался глубоко религиозным и в 1938 г. тревожился из-за атак на церковь со стороны радикалов в нацистском движении. Вильм Хозенфельд вполне заслуживал права называться человеком глубоких и противоречивых убеждений.

В ту роковую пятницу 1 сентября Хозенфельд писал письмо сыну и чувствовал, будто вернулось лето 1914 г. Как и тогда, теперь Германии снова навязывали войну, причиной которой служило британское «окружение»; он не сомневался, что и при любом другом режиме все закончилось бы «конфликтом с А[нглией]». «Сегодня судьба правит нами, – писал Хозенфельд. – Вожди есть лишь фигуры в руке Всевышнего и выполняют Его волю. Все домашние идеологические и политические разногласия должны отступить на задний план, и каждый должен быть немцем, чтобы сражаться за народ». В письме эхом отдавались слова кайзера, сказанные двадцать пять лет тому назад, что он не видит «никаких партий, а только немцев»⁴⁷.

Йохен Клеппер думал так же. Настолько же антифашист, истовый протестант и пруссак, насколько Хозенфельд нацист и католик из Гессена, Клеппер не ждал ничего хорошего от новой войны. «Все страдания немцев в Польше, ставшие причиной войны, – считал он, – сторицей отольются евреям в Германии». Все еще хорошо помнивший еврейский погром всего каких-то десять месяцев назад, он всерьез тревожился за жену еврейку и падчерицу. За месяц до того по настоянию Йохена Иоганна крестилась, а брак их был освящен церковью. В попытках защитить ее он выбрал современный храм-памятник Мартину Лютеру в Мариендорфе с портретами и бюстами не только Лютера, но и Гинденбурга и Гитлера в церковной прихожей. На восьмиэтажных терракотовых плитках на нефе нацистские мотивы чередовались с христианскими, тогда как член гитлерюгенда, штурмовик и солдат втроем поддерживали амвон. Клеппер снискал известность в 1937 г. из-за написанного им романа, прославлявшего основателя династии Гогенцоллернов короля Фридриха Вильгельма I; при всей ее кальвинистской прямоте, выставившей прусский род в качестве славного образца, книга превратилась в обязательное чтение в среде офицерского корпуса и вызывала раздражение у многих нацистов. Роман сделал Клеппера вхожим в консервативные круги, где охотно не замечали его «неудачный» еврейский брак, и обеспечил некоторую степень защищенности. Несмотря на все скверные предчувствия и мрачные предзнаменования, Клеппер ничуть не сомневался в справедливости притязаний германских властей на Данциг и в необходимости связать его с территорией рейха через «польский коридор»: «Немецкий Восток слишком важен для нас, чтобы не понимать того, что реша-

⁴⁶ Hosenfeld, 'Ich versuche jeden zu retten', 245–246: к Гельмуту, 1 Sept. 1939.

⁴⁷ Ibid. 245–246: к Гельмуту, 1 Sept. 1939, 245; Verhey, *The Spirit of 1914*; *Stenographische Berichte des Reichstages*, 13. Legislaturperiode, 306/2. Session 1914, 1–12: Wilhelm II to the Reichstag, 4 Aug. 1914.

ется там сейчас». Йохен и Иоганна ждали и боялись грядущего, чувствуя себя заложниками собственной лояльности: «Мы не можем желать крушения Третьего рейха из-за обид, как многие. Это совершенно невозможно. В час внешней угрозы мы не можем уповать на бунт или переворот»⁴⁸.

1 сентября 1939 г. никто не выходил на патриотические марши, не собирался на массовые митинги, как в августе 1914 г. Улицы выглядели зловеще пустынными. Резервисты прибывали на сборные пункты; гражданские лица занимались делами и словно бы погрузились в себя. Редакция *Deutsche Allgemeine Zeitung* почувствовала себя обязанной прокомментировать происходящее, высказавшись в том духе, что-де все ждали, «как будут развиваться события в следующие часы и дни». У себя в пригороде Николасзее Йохен Клеппер читал статью и удивлялся: «Как могут люди относиться к войне без энтузиазма, так безразлично?!» Похоже, население затаило дыхание, ожидая реакции британцев и французов на немецкую «контратаку» против Польши. Многие полагали, рассуждая подобно тому же Гитлеру, что западные державы вряд ли станут воевать из-за Данцига, коль уж отдали Судетскую область. Тем не менее страх повторения кошмара Первой мировой словно бы висел в воздухе⁴⁹.

Ближе к исходу дня зазвучали сирены воздушной тревоги в Берлине, где молодой фотокорреспондент, 27-летняя Лизелотта Пурпер, прибывала к рамам маскировочную бумагу. Захлопнув окна и двери, она вместе с соседями поспешила спуститься в сырой, пахнущий картошкой подвал дома. Там они сидели и ждали, многие со следами слез на лицах; молодая мать прижимала к себе младенца трех недель от роду. Лизелотту напугали сирены, и она написала своему парню Курту, что их вой «пробуждает глубоко засевшие детские страхи». Ее сосед испанец, как всегда элегантно одетый в пальто и шляпу, пришел слегка переваливаясь, обмотав голову сырым полотенцем на случай применения газов. Скоро прозвучал отбой тревоги. Позднее Лизелотта узнала, что польские самолеты углубились в воздушное пространство Германии на 15 километров. Пока весь многоквартирный дом всерьез готовился к авианалетам, она остро чувствовала, как сильно изменилась ее жизнь всего за несколько дней: всех знакомых военнослужащих призвали в действующие части. Девушка решила пойти добровольцем в Красный Крест⁵⁰.

У себя в пригороде Йохен Клеппер тоже слышал сигнал тревоги и, ложась в постель, рассудил, что бомбардировщики прилетят ночью, но, измотанный страхами за Иоганну и Ренату, спал крепко. Он подумал, что жена «вновь выглядит так же плохо, как в ноябре», после погромов. Они тянулись друг к другу, старались сплотиться и поддержать один другого, а его падчерица Рената была «особенно ласковой». Проживавший в Дрездене специалист по французской литературе XVIII столетия Виктор Клемперер точно знал, что его не призвуют: ему уже исполнилось пятьдесят восемь, а кроме того, в 1935 г. расовые законы освободили ветерана Первой мировой от обязанностей гражданина. Будучи евреем, в первую неделю войны он ожидал расстрела или посадки в концентрационный лагерь. Вместо того он вдруг отметил, что «травля евреев» в прессе довольно быстро утихла. Когда два дружелюбно настроенных полицейских пришли обыскивать квартиру, они даже участливо осведомились у Клемпереров: «А что же вы еще не за границей?»⁵¹

Проведя неделю в пути из Фленсбурга, в пять утра 3 сентября 26-й пехотный полк наконец перешел германско-польскую границу. Вскоре после полудня его солдаты проходили через

⁴⁸ Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 792–793 and 798: 26 and 27 Aug. and 3 Sept. 1939; Klepper, *Der Vater*; Klepper, *Kyrie*; Endlich et al. (eds.). *Christenkreuz und Hakenkreuz*.

⁴⁹ Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 794 and 797: 27 Aug. and 1 Sept. 1939; Shirer, *Berlin Diary*, 154: 31 Aug. 1939; DAZ, 1 Sept. 1939; Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen*, 84–87.

⁵⁰ MfK-FA 3.2002.0279, Лизелотта Пурпер к Курту Орелю, 4 Sept. 1939.

⁵¹ Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 797: 2 Sept. 1939; Klemperer, *I Shall Bear Witness*, 1, 374 and 377: 3, 10 and 13 Sept. 1939.

первые брошенные села, встречали много заминированных мостов и тяжело продвигались по сухому, желтому песку. Грузовики вязли в нем, лошади уставали тянуть повозки, а Герхарду М. часто приходилось тащить на себе велосипед. Велосипедист-связной – очень подходящая работа для 25-летнего пожарного, чьи родители владели во Фленсбурге магазином по продаже велосипедов. Шло первое воскресенье войны⁵².

5 сентября Герхард М. и его товарищи из Фленсбурга перешли старую, существовавшую еще до 1914 г. германо-российскую границу в Польше, и Герхард испытал острое чувство вступления в другой, не немецкий мир. Его поражала нищета жалко выглядевших гражданских поляков, беженцев, которые везли детей и скarb, кучами наваленный на крестьянские телеги с одной лошадей в упряжке. На окраине Калиша немцы впервые очутились под огнем, залегли и принялись стрелять в ответ из винтовок и пулемета. Понадобилось артиллерийское орудие, чтобы подавить польскую пулеметную точку на старой фабрике и поджечь здание. Герхард видел, как немецкие солдаты вывели из дома и согнали вместе дюжину польских гражданских – «проклятых снайперов», как отметил он в дневнике. Он так и не увидел, что с ними сделали, поскольку внимание его оказалось полностью поглощено проламыванием двери брошенной кондитерской лавки. Герхард острил в дневнике насчет того, как они «почистили магазин в кредит», прежде чем продолжить путь навстречу ночи⁵³.

3 сентября в Золингене доктор Август Тёппервин дремал в саду послеобеденным сном, когда его разбудили встревоженные голоса жены и соседа. Британское правительство объявило Германии войну. В пять вечера то же сделала и Франция. Старший преподаватель высшей школы в ранге гражданского чиновника с правом на государственную пенсию, Тёппервин тут же вспомнил об обязанностях гражданина и поспешил в местный военкомат записываться добровольцем, откуда его отправили обратно домой. В умах германских протестантов вроде него новая война немедленно будила воспоминания о национальной катастрофе 1918 г. На кону стояло нечто большее, чем просто политика. Немцы нуждались в искуплении греха революции и нанесенного самим себе поражения. Подбирая слова для первого с момента начала войны обращения к слушателям лекции по богословию, Тёппервин обратился за вдохновением к теологу Эммануилу Хиршу и выбрал в качестве темы лозунг, выбитый на латунных пряжках ремней немецких солдат: *Gott mit uns* – «С нами Бог»⁵⁴.

Официальная газета протестантской церкви откликнулась на события незамедлительно: «Так мы объединяемся в этот час с нашим народом в молитвах за фюрера и рейх, за весь вермахт и за всех, выполняющих свой долг перед отечеством в тылу». Епископ Ганновера воззвал к Богу: «Благослови фюрера, укрепив всех, кто несет службу народу в вермахте на суше, на воде и в воздухе, выполняя все задачи, что ставит перед ними Отечество». Епископ Майзер, побывавший за решеткой в 1934 г. за противодействие попыткам нацистов силком загнать баварских протестантов в единую церковь рейха, напомнил пасторам в Баварии, что война дала им возможность потрудиться на благо духовного обновления германского народа, для «нового сближения народа нашего и Бога, чтобы скрытое благословение нынешнего времени не было бы потеряно для нашего народа»⁵⁵.

Реакцию католических епископов отличал меньший энтузиазм, чем в 1914 г. Тогда архиепископ Кёльна обращался к Всевышнему с просьбой «благословить германские войска и вести нас к победе» и далее продолжал в том же духе, что и коллеги из числа протестантов, делая упор на духовное обновление. Теперь архиепископство Кёльна разослало административные указа-

⁵² Breloer, *Mein Tagebuch*, 33: Gerhard M., 3 Sept. 1939.

⁵³ Ibid., 33–35: Gerhard M., 4–5 Sept. 1939.

⁵⁴ Orlowski and Schneider (eds.). '*Erschießen will ich nicht!*' /Introduction and 37–38: 3–5 Sept. 1939; Ericksen, *Theologians under Hitler*; Forstman, *Christian Faith in Dark Times*.

⁵⁵ Evangelisches Zentralarchiv Berlin, 2877, Doc. 1, *Gesetzblatt der Deutschen Evangelischen Kirche*, 6 Sept. 1939; on Meiser in 1934, Kershaw, *Popular Opinion and Political Dissent*, 156–184.

ния по приходам и опубликовало серию молитв на время войны. Немногие прелаты пошли дальше этого, как «коричневый» епископ Фрайбурга Конрад Грёбер и консервативный аристократ Клеменс Август фон Гален из Мюнстера, которые призывали клириков рангом ниже внести свою лепту в войну не только как священники, но и «как немцы». Однако подобные голоса звучали редко. Католические прелаты в большинстве своем не спешили возлагать больших надежд на духовное возрождение народа в эту войну, в отличие от того, как обстояло дело в прошлом конфликте. Скорее они интерпретировали начавшуюся войну как наказание за мирской материализм современного общества. Бескомпромиссный враг безбожного большевизма, католическая церковь теряла почву под ногами из-за соглашения со Сталиным, опасаясь, как бы это не послужило искрой для пожара нового противостояния между церковью и государством в Германии⁵⁶.

Эрнст Гукинг очутился в рядах более чем скромной армии, отправленной прикрывать западные границы Германии от нападения французов, в то время как основная часть боевых дивизий вермахта сражалась в Польше. 5 сентября он впервые отписал Ирен об окончании передислокации. После шквала активности у него нашлось даже время заметить, что виноград уже совсем созрел на лозах: «А больше-то и рассказать не о чем». Первое письмо от Ирен уже находилось в пути к адресату, посланное сразу же после снятия запрета на ведение переписки во время выдвижения войск на фронты. «Будем надеяться, вы все вернетесь домой здоровыми и счастливыми, как солдаты-победители, – писала она Эрнсту, но все же признавалась: – Я очень часто думаю об ужасах войны». Желая подбодрить себя и его, молодая флористка продолжала: «Давай не кликать беду... когда голова разрывается, лучше нам обоим думать о счастливых часах и о том, что будет еще прекраснее, когда ты сможешь остаться со мной навсегда». Молодые влюбленные сосредоточили внимание на обеих семьях, на ее работе в оранжереях и его жизни в воинской части, но это совершенно не ослабляло тяжелых предчувствий. Война началась, и, как многие, Ирен пришла к выводу, что «того и хотели» британцы. 3 сентября 1939 г., когда Британия и Франция объявили войну Германии, вошло во все немецкие календари, выпускавшиеся и на протяжении следующих почти шести лет, как дата начала войны. А как же 1 сентября? 1 сентября было не более чем «контратакой» на Польшу⁵⁷.

Как и многие соотечественники, Ирен Райц и Эрнст Гукинг, Август Тёппервин и Йохен Клеппер, Лизелотта Пурпер и Вильм Хозенфельд не желали войны и предпочли бы избежать ее. Ирен и Эрнст не демонстрировали четких политических взглядов. Клеппера, Хозенфельда и Тёппервина отпугивали некоторые стороны нацистского движения, особенно его антирелигиозное крыло. Пусть многие немцы считали вторжение в Польшу оправданным, мало кто из них выражал готовность воевать из-за этого с Великобританией и Францией. Очень хорошо иллюстрируют бытовавшие тем летом настроения данные из Верхней Франконии: «Ответ на вопрос, как следует разрешить проблему “Данцига и [польского] коридора” у большинства людей один и тот же: включение в состав рейха? Да. Военным путем? Нет»⁵⁸.

Подобные воззрения не удивили бы Гитлера, который знал, что его личная воинственность многократно превосходит кровожадность народа, находившегося под его управлением. В припадке эйфории он как-то проговорился перед собранием ведущих немецких журналов, что ему известно, насколько сильно пять месяцев Судетского кризиса напугали эту нацию. Фюрер откровенничал дальше, говоря, что только благодаря постоянному подчеркиванию желаний немцами мира и их мирных намерений ему удалось обеспечить народ вооружением, которое было необходимо как основа для следующего шага. Слова эти прозвучали в

⁵⁶ По 1914 г. см.: Fuchs, 'Vom Segen des Krieges'; Brodie, 'For Christ and Germany', 37–51; Löffler (ed.). *Galen: Akten, Briefe und Predigten*, 2, 747; *MadR*, 467–468 and 555–556: 17 Nov. and 11 Dec. 1939.

⁵⁷ Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*: Эрнст Гукинг к Ирен Райц, 5 Sept. 1939; Ирен к Эрнсту, 3 Sept. 1939.

⁵⁸ Kershaw, *The 'Hitler Myth'*, 142.

ноябре 1938 г., а в июле 1939 г. нацисты наметили на период 2–11 сентября проведение в Нюрнберге очередного партийного съезда, анонсированного не иначе как «Съезд мира». В самом конце августа, сразу после начала мобилизации в Германии, мероприятие срочно отменили, как лидер нацистов и рассчитывал сделать. Отправка посла Хендерсона в Лондон в последнем маскарадном пируэте челночной дипломатии стала для Гитлера завершающим жестом актера в роли потерявшего все надежды миротворца. За рубежом эти ужимки теперь мало кого вводили в заблуждение, но расчет строился на выигрыш на внутреннем рынке. В начале сентября, когда Вильм Хозенфельд, Август Тёппервин, Ирен Райц и Йохен Клеппер пришли к заключению, будто «англичане того и хотели», они обвиняли британцев не в том, что те не пожелали заставить Польшу принять «разумные» условия Германии, а в том, будто они продолжали сжимать кольцо «окружения» с целью держать германский народ в рабстве, в котором тот оказался после 1918 г. Смыкая ряды, немцы выступали единым фронтом в уверенности, будто им навязали войну⁵⁹.

7 сентября 30-я пехотная дивизия, включая и 26-й пехотный полк из Фленсбурга, вышла к реке Варта, пересекла ее по сборно-разборному металлическому мосту, наведенному немецкими саперами, и двинулась дальше через оставленные поляками полосы укреплений. Поначалу наступавшие столкнулись с вооруженным сопротивлением со стороны селян, решивших защищать свои дома. Герхард М. видел, как его товарищи уводили двадцать молодых людей, бывших, как он считал, «трусливыми снайперами». «Горящие дома, плачущие женщины, верещащие дети. Картина безнадежности, – писал Герхард в дневнике. – Но поляки сами не хотели по-хорошему». Из простой деревенской избы какая-то женщина принялась стрелять из пулемета. Подразделение Герхарда окружило и подожгло дом. Герхард вспоминал, что, когда она пыталась выбраться, они «ей не позволили, пусть и жестоко»: «Ее крики еще долго звучали у меня в ушах». Из-за жара полыхавших по обеим сторонам улицы домов немцам пришлось двигаться по центру дороги. Когда спустилась ночь, горизонт явственно окрасился в красный цвет от зарев пожаров других сел и деревень. Главной заботой Герхарда стало удержаться на велосипеде. Колеса проваливались в песчаную почву, заставляя его подаваться вперед и изо всех сил давить на педали. Двигаясь в темноте, молодой пожарный из Фленсбурга начал осознавать себя поджигателем⁶⁰.

Вечером 9 сентября 30-я пехотная дивизия подверглась атаке польской кавалерии. Рота Герхарда М. находилась в тылу соединения, когда по его рядам прокатилась волна паники. В течение двух следующих суток противник потеснил 8-ю армию генерала Иоганнеса Бласковица на 20 километров в южном направлении с прямого курса на Варшаву. Отступая, немцы поджигали дома, из которых, как они полагали, по ним стреляли. «Скоро горящие здания тянулись за нами по всему пути, из огня доносились крики тех, кто прятался внутри и не мог спастись, – писал Герхард М. – Скот мычал от страха, собака выла, пока не сгорела, но страшнее всего становилось от крика людей. Это было жестоко, но они стреляли, а потому заслужили смерть». Он не мог не признать, что все – и офицеры, и солдаты – чрезвычайно сильно нервничали⁶¹.

На следующий день ему пришлось поучаствовать в первом настоящем бою, очутившись в тонкой линии немецких пехотинцев. Они залегли в наскоро выдолбленных в земле окопчиках и, обеспечивая прикрытие артиллерийской позиции у себя за спинами, ждали приближения казавшихся издали коричневыми точками польских пехотинцев. Напряжение нарастало. Им велели не открывать огня, пока противник не приблизится на расстояние 300 метров. Вспоминая, как целился, стрелял и перезаряжал винтовку, Герхард М. описывал свои движения как

⁵⁹ Ibid., 123–124; Hitler, 'Rede vor der deutschen Presse', VfZ, 2 (1958), 181–191; Domarus (ed.). *Hitler*, 1217; Kershaw, *Hitler*, 2, 197.

⁶⁰ Breloer (ed.). *Mein Tagebuch*, 35–36: Gerhard M., 7 Sept. 1939.

⁶¹ Ibid., 36–38: Gerhard M., 10 Sept. 1939.

«механические, словно на плацу перед казармами». И все же немцам пришлось отходить, причем с тяжелыми потерями. Из 140 солдат роты только Герхард М. и шесть других его товарищей соединились с остатками батальона в роще. На следующий день их сменили, поредевшие ряды 30-й пехотной подкрепили две другие дивизии, а также колонна медленно подползавших танков⁶².

Герхард М. побывал в горниле самого крупного сражения кампании. Перейдя границу 1 сентября, вермахт застал польскую армию в разгаре мобилизации. Войска бросили защищать рубежи страны – невыполнимая задача, учитывая тот факт, что немцы наступали с трех сторон: из Восточной Пруссии на севере, через территорию Словакии на юге, а на западе по фронту, протянувшемуся от Силезии до Померании. Принимая заявления Гитлера за чистую монету, поляки полагали, что вермахт будет отвоевывать у них старые пограничные земли между Восточной и Западной Пруссией. В действительности немцы оставили эти участки почти без внимания, обошли их и развивали наступление по двум главным направлениям – с севера и с юга на Варшаву. Продвигаясь со стороны Бреслау, части и соединения 8-й армии 7 сентября заняли крупный центр легкой промышленности Лодзь. На следующий день 4-я танковая дивизия вышла к предместьям Варшавы⁶³.

А между тем две польские армии, зажатые как в ловушке в «польском коридоре», смогли отступить из приграничных участков и превратиться в грозную силу под командованием генерала Тадеуша Кутшебы. Нанося удар между немецкими войсками на северном берегу Вислы и на южном – Бзуры, Кутшеба перехватил инициативу на своем участке. Немецкие силы утратили взаимодействие, их командование не знало о намерениях противника атаковать открытые расположения 30-й пехотной дивизии, растянутые на 30-километровом оборонительном рубеже, пока остальные формирования 8-й армии Бласковица продвигались к Варшаве. Именно этот тонкий участок и прикрывали Герхард М. с товарищами 10 сентября. Германскому командованию пришлось отозвать с острия наступления 4-ю танковую дивизию и вместо штурма Варшавы отвести соединение назад, изменить направление наступления основных сил немецкой 10-й армии и перебросить резервы группы армий «Юг» на поддержку угрожаемому участку. К 12 сентября польское наступление выдохлось. Кутшеба принялся отводить армию «Познань» на защиту Варшавы, тогда как армия «Поможе» угодила в окружение; обстрелы немецкой артиллерии и налеты бомбардировщиков «Хейнкель-111» вызвали пожары в лесах, где держали оборону польские солдаты.

Пока сражение на Бзуре еще шло полным ходом, польское правительство и военное командование устремилось к румынской границе. План отступления в глубь страны мгновенно безнадежно устарел, когда 17 сентября Красная Армия вступила в Польшу с востока. Когда путей для отступления не осталось, президент Игнаций Мосцицкий принял решение о создании правительства в изгнании в Париже и переправился через границу в нейтральную Румынию⁶⁴. Уцелевшие после битвы на Бзуре польские войска сдались двое суток спустя. Так или иначе, сражение позволило полякам выиграть время для усиления оборонительных рубежей Варшавы. Брошенная правительством столица продержалась до 28 сентября, несмотря на массированные налеты немецкой авиации.

А дальше к западу темпы германского продвижения, похоже, никак не влияли на повседневную жизнь. В компании унтер-офицера и шести солдат Вильм Хозенфельд приехал в Пабыянице, что в 10 километрах юго-западнее Лодзи, чтобы подыскать место для расквартирования своей роты. Пропыленные после езды по грунтовым дорогам, солдаты выскочили из

⁶² Ibid., 38–40: 11 Sept. 1939; в отношении его местонахождения: http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Gliederungen/Infanterieregimenter/IR_26-R.ht.

⁶³ Rohde, 'Hitlers erster «Blitzkrieg»', *DRZW*, 2, 79–126.

⁶⁴ Польское правительство сначала бежало из Варшавы, а уже потом восточную границу страны перешли советские войска. Мосцицкий бежал в Румынию в ночь с 16 на 17 сентября, то есть до вступления Красной армии на территорию Польши.

машины и бросились к колонке с водой во дворе. Настоящее любопытство со стороны наблюдавших за этим детей вызвала зубная щетка Хозенфельда. Тот дал 10 пфеннигов мальчишке, который накачивал воду, и немцы побрели к киоску в парке покупать шоколадное мороженое. На следующий день Хозенфельд решил посвятить время закупкам. Война почти не оставила следов в городке, если, конечно, не считать толпы беженцев из приграничных областей с их тощими клячами, впряженными в перегруженные телеги. Многие женщины и дети шагали по пыли босиком, сгибаясь под тяжестью узлов, волоча ручные тележки и толкая тачки⁶⁵.

Хозенфельду с его ротой поручили охранять большой лагерь военнопленных, разбитый на территории одной из городских мануфактур. Ежедневно прибывали тысячи военнопленных. Этнические немцы из польской армии тотчас освобождались и отправлялись по домам. Отбору подлежали и солдаты еврейской национальности. «Жестокое обращение бесит меня», – писал Хозенфельд, но отмечал, что польские военнопленные смотрели на это «с одобрением», рассказывая всем и каждому, кому не лень послушать, как евреи пили из них кровь. Не найдя в городе богатых евреев, Хозенфельд заключил, что, коль скоро «богатые е[вреи] унесли ноги, платить за все придется бедным». Для евреев Пабыянице быстро нашлась работа – закидывать землю обратно в траншеи и рвы, отрытые в целях обороны на протяжении нескольких недель накануне войны. Вернувшись в лагерь, Хозенфельд испытал восхищение польскими офицерами, распевавшими религиозные хоралы, отчего немцы-католики невольно снимали с голов фуражки и пилотки. Из-за скопления военнопленных на текстильных фабриках, где ютились уже 10 тысяч человек, скоро возникла острая нехватка продовольствия, а от голода и тесноты среди солдат начались брожения. Хозенфельд получил приказ обеспечить порядок в лагере, окружить его заграждениями из колючей проволоки, установить наблюдательные вышки с пулеметами⁶⁶.

Польская кампания завершилась быстрой и решительной победой. В сентябре 1939 г. германские военные открыли для себя способ ведения «тотальной» войны нового типа с помощью прочесывания из пулеметов и осыпания бомбами колонн беженцев, беспощадных бомбежек городов и проведения массовых казней военнопленных и гражданских лиц, почти или вовсе без оглядки на какие бы то ни было правила. В обращении к высшему военному командованию 22 августа Гитлер прямо и без обиняков напутствовал их к ведению расовой войны. Дневниковые записи сохранили его установки⁶⁷.

Простые солдаты вроде Герхарда М. не могли слышать речей, произносимых в горной резиденции Гитлера Берхтесгаден. Однако они не сомневались, что все средства хороши для быстрого и полного уничтожения сил противника. С самого начала в войсках во множестве распространялись слухи о «снайперах», «партизанах», «бандитах» и прочих гражданских из числа «нерегулярных» отрядов, действовавших в тылу у немцев. Между тем конкретные подробности зачастую поразительным образом отсутствовали совершенно, и подразделения германской военной полиции, обязанные заниматься расследованиями, как правило, находили такие утверждения беспочвенными. В одной группе армий откровенно признавались, что при столкновении с неприятелем «солдаты быстро теряют выдержку, и им тут же начинают мерещиться призраки»; для неопытных немецких парней из призывников «авианалеты, враждебность населения и нерегулярные отряды неприятеля» – все имеет тенденцию мгновенно достигать «непомерных размеров»⁶⁸.

Через неделю после старта вторжения уважаемый берлинский ежедневник *Deutsche Allgemeine Zeitung* опубликовал пространную статью на тему международных законов войны,

⁶⁵ Hosenfeld, *Ich versuche jeden zu retten*, 247–248: 14 Sept. 1939.

⁶⁶ Ibid., 250: 16 Sept. 1939.

⁶⁷ Baumgart, 'Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939'; *Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945*, Serie D, 7, Baden-Baden and Göttingen, 1956, no. 193.

⁶⁸ Böhler, *Auftakt zum Vernichtungskrieg*, 56–57 and 60–61; Toppe, *Militär und Kriegsvölkerrecht*, 417.

доказывая право «Германии прибегать к жестким, но действенным мерам. Поступая подобным образом, она остается в признанных рамках международного права». Зачастую какие-то несколько выстрелов со стороны польских солдат, сделанных в попытках держать оборону на хуторе или в деревушке, оказывались достаточными для применения находившимися под стрессом немецкими солдатами жесточайших карательных мер против гражданского населения, о чем довольно простодушно и поведал нам Герхард М. Но такая сиюминутная реакция получала одобрение свыше. 10 сентября генерал Федор фон Бок издал приказ по группе армий «Север»: «Если ведется огонь из деревни за линией фронта и нет возможности точно установить, из какого дома стреляют, следует сжечь всю деревню». Другие командиры шли тем же курсом. Хотя все это уже давно делали Герхард М. и его товарищи. На протяжении четырех недель боевых действий и еще четырех недель военного правления немцев в Польше казни подверглись от 16 до 27 тысяч поляков, а количество сожженных населенных пунктов составило 531. К моменту передачи дел гражданским управленцам 26 октября 1939 г. генералы всерьез беспокоились из-за поддержания воинской дисциплины в армии, признавая, что солдаты подвержены «психозу» из-за нерегулярных отрядов противника. Подобные страхи развивались не на пустом месте. После всех презрительных эпитетов в адрес «вшивых поляков» и ожиданий, что те будут стрелять противнику в спину, германская армия идеологически приготавливалась к войне с «культурно низшим и трусливым врагом»⁶⁹.

Находясь в Пабянице, Хозенфельд отмечал, что этнические немцы «жутко обозлены на поляков». Его из раза в раз шокировало то, что приходилось читать и о чем слышать в течение второй половины сентября. Как понимал Хозенфельд, все шло неплохо до начала года, а потом, с началом агитации против немцев, положение изменилось. «Я уже говорил со многими и многими, и все рассказывают одно и то же», – писал Хозенфельд старшему сыну Гельмуту 30 сентября. Стараясь как-то объяснить происходящее человеческой природой, он добавлял: «Повидав жестокость наших солдат собственными глазами, я поверил в звериное поведение поляков, которых безответственно подстрекали». Как он считал, что бы ни творили немцы в действительности, поляки бы точно превзошли их в этом⁷⁰.

Положение выглядело куда хуже в спорных районах на западе Польши, как в бывшей прусской провинции Познань. В городке Кемпен (Кемпно) резервист Конрад Ярауш, обедая в ресторанчике при немецкой гостинице, наслушался баек беженцев из числа этнических немцев. Они рассказывали, как шли связанными попарно за запястья через Торунь в Лович. У кого не хватало сил идти дальше, того пристреливали. В Ловиче 5000 таких бедолаг согнали на площадь перед церковью, и они видели приготовленные поляками для их казни пулеметы, но тут в последнюю минуту появились немецкие солдаты и спасли их. Оборванные и измученные беженцы произвели на Ярауша яркое впечатление. Склонного к размышлениям преподавателя гимназии в Магдебурге «никто еще не приветствовал нацистским приветствием с такими сияющими глазами». Будучи сам не нацистом, а консервативным протестантским националистом, Ярауш воспринял этот жест с их стороны как символ «всего, что ассоциируется с германством». Беженцы – что не предвещало и вовсе ничего хорошего – обвиняли в зверствах «папистов и евреев»⁷¹.

⁶⁹ См. Strachan, 'Clausewitz and the dialectics of war' // Strachan and Herberg-Rothe (eds.). *Clausewitz in the Twenty-First Century*, 14–44; DAZ, 8 Sept. 1939; FZ, 7 Sept. 1939; Shirer, *Berlin Diary* 166; 9 Sept. 1939; Böhler, *Auftakt zum Vernichtungskrieg*, 147–153; Datner, 'Crimes committed by the Wehrmacht'; Umbreit, *Deutsche Militärverwaltungen*, 197–199; Rossino, *Hitler Strikes Poland*, 174–175 and 263.

⁷⁰ Hosenfeld, 'Ich versuche jeden zu retten', 247–248 and 256; 14 and 30 Sept. 1939; Bergen, 'Instrumentalization of „Volksdeutschen“'.

⁷¹ Jarausch and Arnold (eds.). 'Das stille Sterben...' 100–101; к семье, 16 Sept. 1939; Krzoska, 'Der «Bromberger Blutsonntag» 1939'; Jatrzebski, *Der Bromberger Blutsonntag*.

Еще летом Верховное военное командование согласилось на придание каждой из пяти армий «целевой рабочей группы», или айнзацгруппы, возглавляемой СД (Службой безопасности СС), для «подавления всего враждебного элемента» в тылу. Скоро к ним прибавились еще две айнзацгруппы. Насчитывая в своем составе не более 2700 солдат, отряды были слишком малочисленны и не располагали достаточным для поставленных задач знанием местных условий, но скоро им на помощь пришли 100 000 волонтеров из числа местных этнических немцев. Сражение на Бзуре еще не завершилось, а немецкие ополчения уже вовсю орудовали в «польском коридоре», в Бромберге (ныне Быдгощ) и вокруг него⁷².

Они не просто искали способа свершить «месть» за обиды предшествующих недель и месяцев, но намеревались и поквитаться за дела послевоенных лет. В 1919–1921 гг. ополчения соперников сражались друг с другом за определение правильного, с их точки зрения, результата этнических плебисцитов в приграничных районах «государств-наследников» многонациональных империй; принцип «права наций на самоопределение» американского президента Вудро Вильсона породил тут условия для широкомасштабного террора и гражданской войны. Так, например, когда в подавляющем большинстве немецкий по населению город Кониц (ныне Хойнице) отошел после Первой мировой войны к Польше, все гражданские и религиозные институты в нем раскололись по этническому и религиозному признаку. По всей бывшей Западной Пруссии именно вера символизировала национальную принадлежность: протестанты отождествлялись с немцами, а католики – с поляками. Хотя еврейские общины Западной Пруссии проявили нерушимую верность «германству» еще в 1919 г., осудив «польский произвол и нетерпимость» и посчитав его большей угрозой для себя, никакая прежняя лояльность не спасла их два десятилетия спустя. Когда немецкие ополченцы вошли в Кониц в 1939 г., они тотчас принялись разбираться со своими польско-католическими и еврейскими соседями. 26 сентября они расстреляли сорок человек. На следующий день убили польского священника, а еще через сутки смерть настигла двести восемь душевнобольных из госпиталя в Конице. К январю 1940 г., пользуясь помощью вермахта и гестапо, местные ополчения отправили на тот свет девятьсот поляков и евреев из самого Коница и окружающих его сел и хуторов⁷³.

После расправы с мужчинами некоторые ополченцы принялись охотиться на польских женщин и детей. Многие просто сводили личные счеты. Другие копировали «методы умиротворения» немецких военных. В Бромберге к стенке поставили бойскаутов, выступавших в роли вестовых для польской армии; их расстреляли вместе со священником, пришедшим их соборовать. Многие из местных командиров ополчения превратили подвалы и огороженные внутренние дворы в импровизированные тюрьмы и пыточные камеры, где избивали пленников плетками и кнутами, загоняли в спину гвозди, выкалывали штыками глаза⁷⁴.

Все напоминало стихийные концентрационные лагеря, созданные местными нацистами, отрядами СА и СС в Германии в 1933 г., с одной лишь разницей: в Германии волну насилия хоть как-то сдерживали и большинство узников вышли на свободу к лету 1934 г. В оккупированной Польше с установлением «германского порядка» террор только усилился. Гитлер твердо решил не позволить польскому правящему классу воссоздать свое отдельное национальное государство. Глава СС Генрих Гиммлер и его заместитель Рейнхард Гейдрих с готовностью ухватились за возможность организовать «акции против интеллигенции» – приступить к ликвидации польской элиты. Главными мишенями сделались учителя, священники, ученые, офицеры и чиновники, землевладельцы, политики и журналисты. Любой из них подлежал аре-

⁷² Krausnick and Wilhelm, *Die Truppe des Weltanschauungskrieges*, 36; Mallmann et al., *Einsatzgruppen in Polen*; Rossino, *Hitler Strikes Poland*.

⁷³ Smith, *The Butcher's Tale*, 214–215.

⁷⁴ Jansen and Weckbecker, *Der 'Volksdeutsche Selbstschutz'* 116–117 and 135–138; Lukas, *Did the Children Cry?*, 17.

сту, внесудебной расправе или депортации в концентрационные лагеря, где тоже проводились повальные казни. Следуя своему видению миропорядка и идеологической логике, ополчения и айнзацгруппы автоматически причисляли к объектам «акций» евреев, равно как и душевнобольных, причем без каких бы то ни было дополнительных обоснований⁷⁵.

Крупнейших масштабов достигали погромы, творимые ополчениями этнических немцев, зачастую под командованием СД и гестапо, в городах бывшей Западной Пруссии. 6000 человек расстреляли в лесах вокруг Нойштадта (ныне Пясница), 7000 – в прусском Штаргарде, а в Коцборово уничтожили 1692 пациентов приюта. На параде в Группе расстреляли 6500 поляков и евреев из Грауденца (ныне Грудзёндз), а еще 3000 человек нашли смерть в Лешковко. В Мнишке 10 000–12 000 поляков и евреев из района Свеце свезли на расстрел в гравийные карьеры. Примерно 3000 евреев и поляков сотрудники гестапо, СС и ополченцы убили на летном поле в Фордоне и в песчаных дюнах Межина. В лесах около Русиново (округ Риппин) все те же айнзацгруппы расстреляли 4200 человек, а к 15 ноября члены ополчения и солдаты вермахта закончили уничтожение 8000 человек в лесу под Карлсхофом. В отсутствие полных данных можно говорить только о крупных «акциях», в каждой из которых погибло более тысячи человек; и только они унесли жизни 65 000 человек. Из них 20 000–30 000 смертей на совести немецких ополчений. Всего же количество уничтоженных в первые месяцы немецкой оккупации должно быть еще больше.

Вышеназванные погромы создали новый прецедент и в без того кровавых анналах гитлеровского режима. Они стали точкой отсчета и образцом для будущих кампаний на востоке⁷⁶. В большинстве своем расстрелы проводились скрытно, в лесах и на аэродромах, однако свидетелями иных становились многие. Вечером субботы 7 октября солдаты, дислоцированные в Свеце, говорили о расстрелах, совершавшихся в тот день ранее, и о намеченных на следующее утро казнях на еврейском кладбище. В воскресенье ефрейтор Пауль Ключе отправился туда пораньше и занял место вблизи рва. Как часто случается, самое неотвязное впечатление производили жертвы из первой группы. Женщина с тремя детьми вышла из автобуса, доставившего пленников на еврейское кладбище, и прошла 30 метров до рва. Ей пришлось спускаться в него, держа на руках самого маленького. Потом она протянула руки за другим ребенком, а один эсэсовец поднял оставшегося мальчика и передал ей. Потом женщина заставила детей лечь на живот рядом с ней. Ключе находился поблизости от четырех членов расстрельной команды и посмотрел в ров. Он видел, что солдаты держали винтовки примерно в 20 сантиметрах от затылков жертв. Потом ему сказали присыпать трупы землей. Он подчинился без промедления⁷⁷.

Не в силах смотреть на убийство детей, некоторые из солдат ушли, однако вернулись, когда прибыл второй автобус с польскими военными. Унтер-офицер Пауль Рошински заметил, что некоторые из зрителей подошли слишком близко ко рву и их форму забрызгали полетевшие оттуда «плоть, мозги и песок». Многие солдаты, ставшие свидетелями подобных событий там и тут по всей Польше, отправляли фотопленки домой для проявки и печати снимков. Так фотографические свидетельства прошли через руки родителей, жен и работников ателье, прежде чем вернуться к «палачам-туристам» в Польшу. В большинстве случаев вермахт сотрудничал с полицией и СС, иногда предоставляя личный состав для расстрельных команд⁷⁸.

Для некоторых очевидцев подобные казни выходили за рамки границ понимания. Главный военврач 4-й армии пришел в такое негодование, что составил досье из высказываний

⁷⁵ Wachsmann and Caplan (eds.). *Concentration Camps in Nazi Germany*; Rieß, 'Zentrale und dezentrale Radikalisierung,' in Mallmann and Musial (eds.). *Genesis des Genozids*, 127–144.

⁷⁶ Longerich, *Politik der Vernichtung*, 245–247; Jansen and Weckbecker, *Der 'Volksdeutsche Selbstschutz'*, 127–129 and 212ff; Wildt, *Generation des Unbedingten*, 419–485.

⁷⁷ Jansen and Weckbecker, *Der 'Volksdeutsche Selbstschutz'*, 83–93.

⁷⁸ Ibid., 117–119.

свидетелей, которое направил не кому-нибудь, а «главнокомандующему вермахта и фюреру германского народа Адольфу Гитлеру». Рапорт этот неизбежно переключался в архив без всякого воздействия на ситуацию, но и глава военных оккупационных властей в Польше генерал Иоганнес Бласковиц тоже высказался по данному вопросу. Глубоко верующий лютеранин, Бласковиц получал донесения и ужасался происходящему, поэтому постоянно давил на своего начальника Вальтера фон Браухича⁷⁹ и писал Гитлеру, протестуя против действий СС, полиции и администрации, при этом упирая на разлагающее воздействие подобных практик на боевой дух личного состава армии. Гитлер отмахнулся от его протестов заявлением, что «нельзя вести войну методами Армии Спасения». Бласковиц не унимался, предупреждая в феврале 1940 г., что чем более жестокой будет оккупация, тем больше немецких войск придется держать в Польше. И в самом деле оккупационные силы вермахта там всегда составляли не менее 500 000 человек. После пяти месяцев упорных препирательств Гитлер в конечном счете снял Бласковица с должности, однако вовсе в отставку не отправил⁸⁰.

Когда число жертв эсэсовского террора среди одних только священников составило тысячу человек, примас Польши в изгнании кардинал Хлонд опубликовал в Лондоне обвинение против немецких оккупационных властей. Ватикан пытался вмешаться через дипломатические каналы, но не достиг ничего, получив ответ, что конкордат с церковью не распространяется на новые территории; статс-секретарь Министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцзеккер попросту отказался признавать протест Ватикана в отношении обращения с польским духовенством. Хотя католическая церковь Германии старалась как-то заботиться о духовных потребностях польских военнопленных, ни один немецкий епископ не присоединился к осуждающему голосу кардинала Хлонда в знак протеста против убийств польских католических священников⁸¹.

Как католик Вильм Хозенфельд почувствовал себя не в силах перебороть моральные установки. Он ужасался еще от еврейских погромов в ноябре 1938 г. и быстро осознал, что масштабы насилия над поляками превосходили все мыслимые рамки и не шли ни в какое сравнение со сказками о тяжких невзгодах, выпавших на долю местного немецкого населения. «Дело тут не в возмездии, – писал он жене 10 ноября 1939 г. – Все это больше похоже на... попытки выкорчевать интеллигенцию». Он даже не подозревал, насколько верны оказывались его догадки. «Кто бы мог ожидать такого от режима, столь сильно ненавидящего большевизм? – продолжал Хозенфельд. – Сколь радовался я, становясь солдатом, но сегодня готов разорвать в клочки свою серую форму». Находился ли он там, где был, с тем чтобы держать «щит... за которым будут совершаться эти преступления против человечности?». В первые месяцы в Польше Хозенфельд несколько раз сам вступался за поляков, давая им возможность выйти на свободу, в результате чего подружился с некоторыми семьями. На протяжении будущих лет Хозенфельд не прерывал контактов с ними и даже привез жену из Талау к польским друзьям, невзирая на все правила этнического апартеида, типичного для немецкой оккупации⁸².

Католическая вера Хозенфельда служила мостиком через пропасть, разделявшую оккупантов и оккупированных. Не находя в себе сил выражать чувство ужасающего отвращения к происходившему открыто, не говоря уж о попытках как-то на него повлиять, он загонял эмо-

⁷⁹ В то время главнокомандующий сухопутными войсками.

⁸⁰ Ibid., 83–85; Oberstabsarzt Dr Wilhelm Möller to Hitler, 9 Oct. 1939; Engel, *Heeresadjutant bei Hitler*, 68; 18 Nov. 1939, также в Broszat, *Nationalsozialistische Polenpolitik*, 41; Blaskowitz, сноски к речам командующих вермахта 15 фев. 1940 г. в Jacobsen and Jochmann (eds.), *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus*, II; Clark, 'Johannes Blaskowitz' // Smelser and Syring (eds.), *Die Militärelite des dritten Reiches*, 28–50; Giziowski, *Enigma of General Blaskowitz*; Hürter, *Hitlers Heerführer*, 184ff; оккупационные войска, см. Madajczyk, *Okkupationspolitik Nazideutschlands in Polen*, 239–240.

⁸¹ Hlond (ed.), *The Persecution of the Catholic Church in German-occupied Poland*; Blet, *Pius XII and the Second World War*, 89–90; Brodie, 'For Christ and Germany', 47–51; *MadR*, 555–556; 11 Dec. 1939; Körner, 'Katholische Kirche und polnische Zwangsarbeiter', 131–132.

⁸² Hosenfeld, 'Ich versuche jeden zu retten' 286; 10 Nov. 1939.

ции внутри себя, где они оформились в грызущее чувство глубочайшего стыда. Обращения к жене стали чем-то вроде исповеди. «Ну, у нас пока есть эти письма, – обращался Хозенфельд к Аннеми 10 ноября, заканчивая одно из самых своих горьких на тот момент посланий к ней. – Сейчас пойду спать. Если бы я мог плакать, мне бы хотелось плакать в твоих объятиях, и это стало бы для меня сладким успокоением». Чем дольше длилась война, тем больше он отчуждался от нее. Хозенфельд по-прежнему верил в обоснованность захвата немцами Польши, разделяя общепринятое мнение о «праве более высокой культуры»; свойственные ему чувство нравственной ограниченности и гуманные убеждения встречались в людях все реже и реже⁸³.

Другой истовый католик и солдат видел ситуацию в ином свете. Даже после разгрома поляков, после их унижения, Генрих Бёлль всматривался в их лица и видел затаенные «за безразличным взглядом ненависть и подлинный фанатизм». Когда началась война, восьмой ребенок в католической семье плотника из Кёльна, Бёлль, только-только начал изучать литературу в университете и пробовать перо. Отделенный от Хозенфельда по возрасту поколением, он пошел служить по призыву летом. «Не будь военных, через три недели тут не осталось бы ни одного этнического немца. В глазах этих людей совершенно ясно видно, что революция предначертана им самой судьбой», – писал 21-летний военнослужащий из Бродберга. Им, в его представлении, требовалась сильная рука – немецкая, а ему – посланное матерью средство от всех болезней, чтобы не отключиться и всегда оставаться наготове: первитин – метамфетамин, использование которого без особого успеха пыталась ограничить служба имперского руководителя здравоохранения⁸⁴.

Восприятие Бёлля надо назвать более типичным для солдат, чем мнение Хозенфельда, а германские СМИ немало постарались в стремлении вызвать у немцев подозрительный взгляд на поляков. В середине августа газеты и радио живописали массовые депортации немцев с приграничных территорий в «концентрационные лагеря» далее на востоке, а с началом войны – серию спровоцированных погромов, жертвами которых стали в основном этнические немцы, женщины и дети. Еженедельное кинообозрение *Wochenschau* щедро кормило зрителя репортажами о подобных событиях, а также показывало захваченных в плен польских солдат и гражданских «диверсантов», выставляя их преступными «недочеловеками», получившими приказы истребить немецкое меньшинство. Сотрудников отдела по расследованию военных преступлений вермахта отправили выискивать доказательства «преднамеренного геноцида», совершавшегося поляками по указке сверху⁸⁵.

До войны Министерство иностранных дел Германии на протяжении месяцев занималось сбором сведений, способных оправдать вторжение. В данном случае спонтанные всплески этнического насилия на приграничных территориях в первую неделю войны служили подлинными свидетельствами, которые представлялось возможным раздуть и повернуть выгодным для дела немцев образом. В ноябре 1939 г. Министерство иностранных дел поспешило выпустить книгу в несколько сотен страниц с более чем сотней фотографий с доказательствами злодеяний поляков. Тщательно подобранные снимки предназначались для создания сильного эмоционального впечатления: несчастные жены и матери, тихо плачущие в домах или около нагруженных телами мертвецов телег; кричащие фото расчлененных или, судя по позам, убитых явно после изнасилования женщин; дети с разможенными головами; тела людей, подобные обнаруженному ветерану Первой мировой на столе в мертвецкой, с протезом вместо ноги до бедра и с лицом, изувеченным до полной неузнаваемости. На одном особенно жутком

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Böll, *Briefe aus dem Krieg*, 1, 78–79, and 62: к родителям и сестрам, 16 July and 2 May 1940; Defalque and Wright, 'Methamphetamine for Hitler's Germany'.

⁸⁵ VB, 13 and 18 Aug. 1939; on the Wehrmacht Untersuchungsstelle, см. готовящуюся к публикации в Оксфорде диссертацию: Jacques Schuhmacher, 'Nazi Germany and the Morality of War'; de Zayas, *Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle*, совершенно некритичная и тенденциозная подборка из этого источника.

снимке камера запечатлела женщину, убитую в момент родов вместе с новорожденным, которого с матерью еще связывала пуповина. Целью публикации Министерства иностранных дел служило предоставление документального оправдания оккупации Польши Германией и создания определенного впечатления у властей и общественности нейтральных стран, особенно у американцев. Второе издание на немецком вышло в феврале 1940 г., а английское – в мае того же года⁸⁶.

Насилие было вполне настоящим, особенно в северных районах Познани, вокруг Бромберга, где этнических немцев действительно убивали главным образом польские солдаты, которые считали, что в них стреляли из каких-то домов с жильцами из немцев, или при обысках – когда искали нацистские флаги и прочую символику. Едва запущенный механизм насилия в польских селах немецкие солдаты действительно наблюдали, но не с таким размахом, как трубила германская пропаганда, утверждая о централизованно спланированных польским государством акциях депортации и геноцида. Даже отдел вермахта по расследованию военных преступлений обнаружил лишь свидетельства спонтанного и никем не координированного насилия, причем, как выяснилось, в некоторых польских частях даже предупреждали этнических немцев о настроениях в войсках, идущих следом.

Между двумя изданиями Министерством иностранных дел на немецком «Документов о зверствах поляков» в ноябре 1939 г. число жертв среди немцев оценивалось в 5800 человек, что теперь, как правило, признается учеными достоверным, а в феврале 1940 г., вероятно с подачи Гитлера, данные выросли сразу в десять раз. Геббельс приказал газетчикам заострять внимание на новых находках, и страницы периодики заблистали яркими заголовками вроде «58 000 жертв польского террора» и «20 лет польского правления смерти». На домашнем фронте публикацию МИДа критиковали только за минимизацию «оправданных» мер возмездия полякам со стороны немцев. Поверили или нет люди до конца в то, что польское государство распорядилось о целенаправленном уничтожении немецкого меньшинства, они совершенно точно не забыли об этом событии. И в самом деле весной 1943 г., когда Геббельс попытался мобилизовать публичное мнение – в первый, и единственный, раз – для выражения сочувствия полякам в стремлении подчеркнуть куда более страшную угрозу советского террора, он столкнулся с народной памятью о 1939 г. Люди тыкали пальцем в «факт» убийства поляками «60 000» немцев и спрашивали, отчего они должны сочувствовать злодеям, пусть бы тех и уничтожала советская тайная полиция, НКВД. Министерство пропаганды не смогло запросто взять и заставить людей жалеть кого-либо⁸⁷.

Гигантски преувеличенное число жертв среди немцев служило оправданием всех дальнейших действий Германии. Ссылки на злодеяния не столько отрицали насилие со стороны немцев, сколько делали его внешне не таким значимым. Ударение делалось на количестве уничтоженных немцев, поскольку важными были только права немецкой стороны; чтобы придать статистике должную моральную весомость, их и пришлось умножить на десять. Оба первых немецких документальных фильма о войне – «Кампания в Польше» и «Крещение огнем» – начинались с рассказа об угрозе массового убийства этнических немцев.

Пробуждению определенных чувств из-за угрозы самому существованию и чудесного спасения немцев способствовали художественные киноленты. В 1940 г. вышла первая из них – под однозначным названием «Враги». Когда летом 1939 г. польские рабочие убивают немца – хозяина лесопилки, главные герои картины в исполнении Бригитты Хорни и Вилли Биргеля спасают его детей и вместе с другими немецкими беженцами уходят через границу, чтобы найти спасение на территории рейха. Поставленный именитым эмигрантом из России, кино-

⁸⁶ Bergen, 'Instrumentalization of «Volksdeutschen» in German propaganda in 1939'.

⁸⁷ Auswärtiges Amt (ed.). *Dokumente polnischer Grausamkeit*, Berlin, 1939 and (2nd edn) 1940, 7; VB, 11 and 16 Feb. 1940; *MadR*, 5145: 19 April 1943; Schuhmacher, 'Nazi Germany', chapter 1.

режиссером Виктором Туржанским, фильм подает персонажа Хорни как настоящую героиню, спасающую таких же, как она, этнических немцев от кровожадного врага.

Сюжет и роль героической немецкой женщины повторились в картине «Возвращение домой», снятой уже с лучшим финансированием и большим размахом. В этой ленте несколько спрятавшихся в сарае немцев тайком слушают речь Гитлера 1 сентября 1939 г., когда их застают поляки, запирая затем в частично затопленном подвале. С минуты на минуту ожидая казни, они чудесным образом спасаются благодаря отваге и мужеству молодой нацистки, учительницы Паулы Вессели, которая переводит их через границу – на сей раз через демаркационную линию между Германией и СССР. Заканчивается история финальным монологом героини; по его завершении кадр с героиней блекнет, а колонна беженцев подползает к границе, где их встречает огромное изображение Гитлера. В традициях нацистской эстетики фильм возносит угрозу существованию этнических немцев в псевдорелигиозное переживание. Когда немцы на экране осознают неотвратимо приближающийся момент собственного мученичества, готовность к самопожертвованию ведет к перерождению героев и, как надеялись создатели ленты, – зрительской аудитории. Премьерные показы вызывали восторг и овации – граждане рейха хлопали стоя. В противоположность пассивной жертвенности женщин и детей, продемонстрированных в документальном кино Министерства иностранных дел, здесь зритель видел способную на героические поступки немецкую женщину, увлекающую за собой соотечественников как настоящий лидер. Они являлись борцами прежде всего духовными, в отличие от «порочных» польских женщин из числа нерегулярных бойцов, которых Герхард М. и его товарищи без сожаления жгли в избах живьем⁸⁸.

Лютеранские церкви источали превалирующее чувство прусско-германского национализма. В официальном обмене приветствиями с Евангелической церковью в Польше, Протестантская церковь Прусской унии выражала радость в связи с возвращением братьев по вере в национальный дом: «События прошедших недель делают законной борьбу, которую двадцать лет вела Евангелическая церковь ныне освобожденных приходов Польши и Западной Пруссии». Все происходившее на протяжении короткой военной кампании и после нее больше чем оправдывалось. Церковная газета по случаю праздников урожая и благодарения писала:

«Мы благодарим Его за то, что Он позволил вековым германским территориям вернуться в отечество, и за то, что наши немецкие братья вновь свободны... Мы благодарим Его за то, что десятилетия беззакония прекратились даром его милости, и за то, что открыт путь для нового устройства народов, для мира чести и справедливости»⁸⁹.

Сама Польша быстро перестала быть темой обсуждения в Германии. К середине октября 1939 г., всего через две недели после смотра, устроенного Гитлером солдатам-победителям в Варшаве, и лишь через неделю после того, как отзвонили церковные колокола, тайный информатор немецких социал-демократов в изгнании доводил до их сведения: «Едва ли кто-нибудь вообще говорит о “победе” над Польшей». Теперь, когда конфликт с Польшей закончился разделом этой страны, у немцев вновь возродились надежды восстановить мир с западными державами⁹⁰.

6 октября Гитлер выступил в рейхстаге. Репортер CBS в Берлине Уильям Ширер рассказывал: «Тот осенний день выдался чудесным, холодным и солнечным, что, как казалось, только добавляло всем хорошего настроения». Вновь подчеркивая миролюбивые намерения,

⁸⁸ *Der Feldzug in Polen*, 1940; *Feuertaufe – Der Film vom Einsatz unserer Luftwaffe in Polen*, 1940; *Feinde*, Viktor Tourjansky, 1940; *Heimkehr*, Gustav Ucicky, 1941; Kundrus, ‘Totale Unterhaltung?’, 125; Trimmel, *Heimkehr*; Fox, *Film Propaganda in Britain and Nazi Germany*.

⁸⁹ Evangelisches Zentralarchiv Berlin, 2877, *Gesetzblatt der Deutschen Evangelischen Kirche*, Berlin, 28 Sept. and 9 Nov. 1939.

⁹⁰ *Sopade* 1939, 6, 980.

Гитлер повторял, будто не имеет территориальных претензий к Великобритании и Франции, и в очередной раз предлагал заключить мир с западными державами. Он даже выражал готовность воссоздать польское государство в урезанном виде. Как обычно, Гитлер винил во всем «известных международных еврейских капиталистов и писак-журналистов» за кровожадность и раздувание войны, но полагался на благоразумие британцев, которые предпочтут избежать смерти и разрушений, неминуемых в случае, если они выберут продолжение войны. Он клятвою заверял их, что Германия ни за что не сдастся: «Ноябрь 1918 г. более никогда не повторится в немецкой истории»⁹¹.

Сидя вместе с другими представителями прессы на галерке бывшего оперного театра, Ширер испытал чувство виденной ранее картины:

«Слова Гитлера практически ничем не отличались от того, что я слышал с той же самой трибуны после каждого из сделанных им захватов, начиная со вступления в Рейнскую область в 1936 г. И хотя это повторялось уже по меньшей мере в пятый раз, причем, как всегда, с полной искренностью, большинство немцев, с которыми я потом говорил, просто-таки ужасались, если вы даже намекали на то, что в мире могут не поверить в подобные заявления, как верили в предыдущих случаях, всякий раз убеждаясь, что делали это напрасно»⁹².

Германская пресса заливалась соловьем, газетные заголовки, особенно в ежедневном издании партии *Völkischer Beobachter*, сверкали как на подбор: «Желание Германии – только мир. Никаких намерений воевать с Францией и Англией. Никаких ревизионистских претензий за исключением колоний. Ограничение вооружений. Сотрудничество со всеми народами Европы. Предложение достигнуть договоренности». Как устало заметил Ширер, «если бы нацисты были искренни, им следовало петь эти сладкие песни до того, как они начали свою “контратаку”»⁹³.

В понедельник 9 октября возвращавшихся в Вену из Польши солдат земляки встречали новостью о том, будто британское правительство пошло на попятный и теперь войне конец. Следующим утром штатские кричали о том же солдатам в воинских эшелонах, когда те проезжали через пригороды Берлина: «Все, можно отправляться по домам, война закончилась!» Когда слухи прокатились по столице рейха, народ высыпал на улицы и площади. Студенты бросали аудитории и собирались на стихийные митинги. На рынке Берлина Пренцлауэр-Берг новые клиенты отказывались вносить имена в официальные списки, будучи убежденными в скорой отмене рационирования. На фондовой бирже новости о мире заставили взлететь в цене государственные облигации. Слух распространился по всей стране, граждане задавали вопросы друг другу и чиновникам, те – чиновникам повыше. Вновь и вновь в ожидании подтверждения правдивости известия по телефону и телеграфу новость бежала по проводам в Пресбург (ныне Братислава), Райхенберг, Румбург, Идар-Оберштайн, Баден-Баден и в Грац еще в 10:30 утра 10 октября. Народу так хотелось мира, что для прекращения кривотолков понадобилось официальное заявление властей⁹⁴.

Британия и Франция тут же отклонили немецкое «мирное предложение», что побудило немецких детей распевать на улицах: «О Чемберлен, о Чемберлен, что станет с тобою?» на мотив рождественской песенки «О елочка, о елочка, блестят твои иголки». В стране быстро сделалась популярной пародия на Молитву Господню, в которой прорывалось чрезвычайное

⁹¹ Shirer, *Berlin Diary*, 185–186: 6 Oct. 1939; Kershaw, *Hitler*, 2, 238–239; 265–266; Domarus (ed.), *Hitler*, 1377–1394.

⁹² В данном случае цитируется книга: Shirer, William L. *Berlin Diary*. Rosetta Books, 2011. На русском языке издано другое сочинение: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т. Т. 1–2. М.: Военное издательство, 1991. — Прим. науч. ред.

⁹³ Shirer, *Berlin Diary* 185–186: 6 Oct. 1939.

⁹⁴ *MadR*, 339–340 and 347–348: 11 and 13 Oct. 1939; Shirer, *Berlin Diary* 189: 15 Oct. 1939.

разочарование народа, его негодование: «Отче наш, Чемберлен, иже еси в Лондоне / Да проклянется имя твое / Да исчезнет царствие твое». У Гитлера вполне получалось под эгидой разговоров о мире уверенно вести германский народ все дальше и дальше по тропе войны. И все же слухи о перемирии, в соответствии с данными СД, показывали, «сколько сильно в людях желание мира». Прорицатели и гадалки очутились в центре внимания, и дела у них шли как никогда бойко. Поговаривали, что известная женщина-стигматик из Коннерсройта в Баварии Тереза Нойманн обещала скорое окончание войны⁹⁵.

Несмотря на победу над Польшей, настоящая война пока так и не началась. Указывая пальцем в сторону виновников-британцев, нацистский режим напоминал населению, что те – орешек крепкий. Существовали и французские войска, а они превосходили численностью и технической укомплектованностью немецкие; линия Мажино на востоке Франции представляла собой грозный укрепленный рубеж. Никто даже и представить себе не мог, каким образом Германия сможет одолеть Францию и Британию, а неудачи дипломатии в поисках мира ближе к концу августа и в начале октября повергали нацию в еще более мрачное настроение. Убежденное в неспособности Германии перейти в наступление на западе ранее чем по меньшей мере через два года, 17 сентября Верховное главнокомандование издало директиву о подготовке к позиционной оборонительной войне. Когда через десять дней Гитлер вдруг резко отменил приказ и при встрече в узком кругу заявил генералам, что Германия должна будет наступать той же осенью, даже самый лояльный нацист генерал Вальтер фон Рейхенау считал план вождя «просто преступным». Герман Геринг, фактически второй по важности и влиянию человек в рейхе, удвоил усилия в поисках дипломатического решения, пока его люфтваффе бомбило польские города. 10 октября Гитлер навязал генералитету замысел наступательной кампании через Бельгию. Вынужденный иметь дело с конкретным предложением, начальник Генерального штаба Франц Гальдер не придумал ничего лучше, чем, по собственному его выражению, сделанному позднее, представить на суд руководства «лишенную фантазии пародию на план Шлиффена, слабости которого выявила еще Первая мировая война» образца 1914 г.⁹⁶⁹⁷.

В атмосфере всеобщего отчаяния глава военной контрразведки адмирал Канарис и его заместитель Ганс Остер вернулись к отложенной было затее по свержению Гитлера. В поисках подходящего кандидата на роль номинального вождя среди высшего военного эшелона они попытались привлечь того же Гальдера, а также прощупывали настроения командующих трех групп армий на Западном фронте – Герда фон Рунштедта, Федора фон Бока и Риттера фон Лееба. Никто из них не верил в успех наступления через Бельгию, но не видел и альтернативы, считая необходимым оставаться на своем месте и делать свое дело. В то время как Канарис и Остер продолжали подыскивать генерала, готового поиграть в политику, Гитлер сохранял способность управлять военными через начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта генерала Вильгельма Кейтеля, главу оперативного штаба вермахта Альфреда Йодля и его заместителя Вальтера Варлимонта, а также Браухича, главнокомандующего сухопутными силами. Однако мало кто горел желанием переходить в наступление, и, к большому облегчению большинства командиров, 7 ноября Гитлер отказался от проведения операции из-за плохой погоды, дав начало череде из двадцати девяти отмен приказа о наступлении на протяжении той зимы.

На месяц перед Рождеством пришелся пик театрального сезона, и 9 декабря 1939 г. Густав Грюндгенс открыл занавес новой премьеры в Государственном театре на Жандармен-

⁹⁵ *MadR*, 382; 23 Oct 1939.

⁹⁶ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. М.: Воениздат, 1968–1971. Т. 1. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г. – 30.6.1940 г.) / Сокр. пер. с нем. А. Артемова, И. Глаголева и Л. Киселева под ред. и с пред. В. Дашичева. М., 1968. С. 16.

⁹⁷ Hartmann, *Halder*, 162; Martin, *Friedensinitiativen und Machtpolitik im Zweiten Weltkrieg*, 82ff

маркт. Разыгранная в роскошных декорациях, созданных по мотивам полотен и гравюр с видами Парижа времен Французской революции, постановка под названием «Смерть Дантона» получилась завораживающим зрелищем. Новая сцена театра с вращающимся кругом позволила сделать двадцать пять перемен для разных сцен спектакля, в котором, в соответствии с классической театральной традицией, игра актеров, свет, декорации и звуковое оформление – все работало как единый организм. Легшая в основу сюжета тема революционного террора оказалась в свое время столь щекотливой, что пьесе Георга Бюхнера пришлось подождать премьеры в Германии до 1902 г. – шестьдесят семь лет с момента написания. В Берлине в последний раз она ставилась в 1916 г., уже опальным в описываемый момент Максом Рейнхардтом.

Грюндгенс, наряду с Генрихом Георге из Театра Шиллера и Хайнцом Гильпертом из Немецкого театра, считался одним из наиболее блистательных актеров-антрепренеров, задействованных в качестве глав театров Берлина Геббельсом и Герингом, стремившимися к тому, чтобы столица рейха затмила Вену. Творцы часто проявляли своеобразие в выборе репертуара и в режиссерском видении материала, и пусть Геббельс приставил к ним своих доверенных лиц, призванных где давлением и угрозами, где лестью и уговорами заставить актеров-режиссеров следовать указаниям начальства, все же он в основном позволял им заниматься художественным руководством самостоятельно. Сюжет пьесы словно бы нарочно бросал вызов хвастливому заявлению Геббельса в 1933 г. о том, будто с приходом нацистов к власти «год 1789-й вычеркнут из анналов истории». Редакция боевого листка нацистской партии *Der Angriff* едва не лишилась дара речи и задавалась вопросом: «А стоила ли столь великих усилий» такая сомнительного качества пьеса?⁹⁸

Грюндгенс избежал любых пропагандистских интерпретаций и вывел двух главных героев, Дантона и Робеспьера, трагическими фигурами, одна из которых пробуждается от меланхолической бездеятельности, чтобы выступить навстречу противнику, а другую медленно пожирает пылающий внутри огонь истинной веры. Дантон в исполнении Густава Кнута сразил всех пламенной речью перед Революционным трибуналом, превращаясь из обвиняемого в обвинителя предсказанием диктатуры, террора и войны: «Вы хотите хлеба – Вам швыряют головы»⁹⁹. Постановка произвела большое впечатление на критика *Deutsche Allgemeine Zeitung* Бруно Вернера почти лирической сдержанностью и местом, отведенным женским ролям. Особенно его поразила финальная сцена, где актриса Марианна Гоппе, игравшая Люсиль Демулен, голосом Офелии оплакивает ее казненного мужа Камилла Демулена, раскачиваясь туда и сюда на деревянных ступенях, ведущих к эшафоту, с гильотиной у себя за спиной, и напевая:

«Милая колыбель, ты убаюкала моего Камилла, задушила его своими розами. Колокол смерти, ты спел ему сладкую отходную. (Поём.)

Сотнями, сотнями косит людей,
Косит людей косою своей»¹⁰⁰.

⁹⁸ Strobl, *The Swastika and the Stage*, 170–198; Goebbels, выступление на радио, 1 April 1933 // Hippel (ed.). *Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit?* 344–345. Среди исполнителей: Bernhard Minetti (Robespierre), Gustav Knuth (Danton), Gründgens (St Just), Marianne Hoppe (Lucile Duplessis), Kitty Stengel (Julie Danton) and Maria Koppenhöfer (Marion); декорации Traugott Müller. Рецензии: Hermann Pirich, *Der Angriff*, 11 Dec. 1939; Bruno Werner, *DAZ*, 9 Dec. 1939; Franz Köppen, *Berliner Börsenzeitung*, 11 Dec. 1939; также Strobl, *The Swastika and the Stage*, 192.

⁹⁹ Здесь и далее цит. в пер. А. Карельского по изд.: Бюхнер Г. Пьесы. Проза. Письма. Перев. А. Карельский, Э. Венгерова, Е. Михелевич, О. Михеева, Ю. Архипов. М.: Художественная литература. 1972.

¹⁰⁰ Georg Büchner, *Dantons Tod*, Act III, sc. ix: Danton; Act IV, sc. ix: Lucile Duplessis.

Давая возможность аудитории насмотреться на гильотину и вспомнить об ожидавшем все то поколение терроре и революционных войнах, режиссер опускает занавес. И, прежде чем, вскочив с кресел, взорваться в долгих овациях, зрительный зал надолго умолк в оцепенении¹⁰¹.

---

¹⁰¹ Strobl, *The Swastika and the Stage*, 192.

2

Смыкая ряды

В сентябре 1939 г. Август Тёппервин поражался тому, с какой «механической четкостью» страна переходила на военные рельсы. В действительности многое из того, чем он так восхищался, было до известной степени результатом импровизаций. Жена Тёппервина Гретель отправилась по магазинам Золингена подкупить тарелок и ложек, чтобы кормить эвакуированных из области Саара жителей. С целью очистить западные районы по границе с Францией от гражданских лиц власти пустили специальные поезда для тех, кто не располагал каким-либо транспортом. Эвакуирующихся встречали на станциях подростки из Союза немецких девушек (BDM) и гитлерюгенда, кормили их супом в наскоро подготовленных Национал-социалистической народной благотворительностью железнодорожных столовых и размещали в зданиях школ, совсем недавно служивших сборными пунктами для военных. Успех операции зависел от доброй воли¹⁰².

Крестьяне текли в восточном направлении из Саарской области. Их телеги с пожитками, лошади и скот создавали заторы и хаос на дорогах и улицах, побуждая местных к спонтанным излияниям солидарности. В гессенском селе Альтенбуршла отец Эрнста Гукинга открыл двери дома своей фермы для женщины с четырьмя маленькими детьми. Коль скоро сам Эрнст находился в составе части в Саарском же регионе, получался почти семейный обмен: «Мы рады сделать что можем, лишь бы ты вернулся к нам поскорее. Да дарует нам это Господь». Однако терпение отца, если уж не патриотизм, явно имело свои пределы. Когда через два месяца эвакуированные отправились обратно, старик уже явно от них устал: «Долго мы бы не смогли их тут содержать. Только подумать, как ужасно выглядели постели. Мы едва справлялись, потому что они очень нечистоплотные». В то время как хозяева жаловались на эвакуированных за разведенных по селу вшей, католическая церковь сетовала на отсутствие возможностей для верующих жителей из Саара отправлять свои духовные потребности в протестантской Тюрингии. По состоянию на начало ноября, по оценкам Полиции безопасности, до 80 % эвакуированных не испытывали восторга от оказанного им приема настолько, что старались как-то устроиться сами или возвращались домой¹⁰³.

В сравнении с последующими перемещениями населения эвакуация гражданских лиц из Саара никак не заслуживает определения крупномасштабной, поэтому она если уж и не вовсе забыта, то по меньшей мере оттеснена в тень другими, куда более заметными эпизодами войны. Но запущенный механизм служил репетицией предстоявшей драмы. Отмечался подлинный всплеск доброй воли и братской взаимопомощи, что помогало мобилизовать добровольцев из числа подростков, таких как девочки и девушки из BDM, приходившие на железнодорожные станции ночью, чтобы обеспечить сограждан горячими напитками, и заставляло хозяев открывать двери грязным и измученным путникам. Именно такой патриотизм и стремились взрастить в народе нацисты до войны за счет «воскресных супов» (Eintopfsonntage), когда представители средних классов из числа квалифицированного персонала и управленцев ели с их рабочими одну и ту же еду, или с помощью отправки групп молодежи в разные уголки рейха для преодоления областного антагонизма и предрассудков. Подкрепленные напоминаниями о немецкой «народной общности», выкованной в горниле испытаний предыдущей войны,

¹⁰² Orlowski and Schneider (eds.). 'Erschießen will ich nicht!'; 38–39; 5 Sept. 1939; Lange and Burkard (eds.). 'Abends wenn wir essen fehlt uns immer einer', 22–23; письма, 13 and 22 Sept. 1939.

¹⁰³ Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*: Бернард Гукинг к Эрнсту, 12 Sept. and 18 Dec. 1939; Brodie, 'For Christ and Germany', 272; Bishop of Fulda, 12 Oct. 1939; *MadR*, 438–441; 8 Nov. 1939.

подобные акты спонтанной народной солидарности рассматривались как проверка способности нации организованными и объединенными усилиями встретить новый вызов¹⁰⁴.

Этот экзамен немецкое общество так никогда в полном смысле и не выдержало. Недостатки в готовности к патриотическому самопожертвованию или в понимании правоты дела немцев не наблюдались. Загвоздка заключалась в самой идее превращения с помощью нескольких ритуальных жестов чрезвычайно неоднородного и часто конфликтующего внутри себя общества в уютную патриархальную «коммуну», существовавшую фактически только в романтических фантазиях об утраченном золотом веке до начала индустриализации. Чем дольше продолжалась война, тем больше усилий требовалось от центральных и местных властей, партии, общественных организаций и церкви для восполнения дефицита народной солидарности.

Власти знали, что военная победа и политическое выживание зависели от того, насколько хорошо удастся обеспечивать немецкое население продовольствием. Во время Первой мировой войны система распределения съестного заслужила право называться катастрофической, инфляция и цены росли порой буквально не по дням, а по часам, а черный рынок сдирал с покупателя последнюю шкуру, что доводило городской рабочий класс до голодного состояния. Блокада силами британского Королевского ВМФ, продовольственный кризис и «брюквенная зима» 1916–1917 гг. вымостили путь для революции ноября 1918 г. В Рурской области к 1916 г. заметно снизилась рождаемость. В 1917 и 1918 гг. процент умерших среди гражданских лиц в Берлине превысил уровень смертности солдат, призванных на войну из города; с наибольшими темпами умирали девочки-подростки, девушки и молодые женщины, выкашиваемые туберкулезом, свирепствовавшим в неотапливаемых кварталах многоквартирных домов, где жили представители рабочего класса. Нацистские власти твердо решили – такого больше не случится. Гитлера в особенности тревожила готовность германского народа терпеть лишения, и донесения СД безоговорочно показывали: на «настроения среди населения» более всего влияла обеспеченность провизией¹⁰⁵.

Нормирование продовольствия режим ввел 27 августа 1939 г., на следующий день после начала мобилизации в Германии. «Вот уже два дня мой желудок постоянно напоминает о себе, особенно теперь, когда приходится экономить на еде», – неохотно признавалась Ирен Райц своему парню Эрнсту Гукингу, понимая, что гражданским лицам не положено зря беспокоить солдат. Видя, как в первые недели войны все вокруг бегали в поисках муки, сахара и жиров, она сохраняла спокойствие, ограничивая собственную покупательскую активность походами в канцелярскую лавку и приобретением «атласной бумаги всех цветов. Ты знаешь, чтобы потом иметь возможность красиво заворачивать подарки. Неплохо я придумала?». В конце сентября все изменилось, когда призвали одного из ее коллег по садоводческому делу в Гисене; он всегда привозил из деревни лишний хлеб и колбасу ей на обед. «Мне теперь его сильно не хватает, особенно его бутербродов», – признавалась Ирен¹⁰⁶.

Из-за опасений наплыва покупателей в магазины власти запретили продажу полотна, обуви и одежды без специальных ордеров. Однако, когда народ повалил в занимавшиеся распределением бюро, работники их оказались не в состоянии установить, действительно ли соискатели разрешения на продажу тех или иных товаров в них нуждались. Хотя граждан заставляли подписывать специальные заявления о разрешении допускать чиновников к себе домой для проверки, крайне маловероятно, что такие вещи сдерживали напуганное голодом и лишениями население. «Любой, у кого есть две пары туфель, не получит ордер на покупку еще одной, – докладывала Ирен Эрнсту. – Так, конечно, все пишут, что у них только одна. Хорошо,

¹⁰⁴ Wildt, 'Volksgemeinschaft', and Herbert, 'Echoes of the Volksgemeinschaft', both in Steber and Gotto (eds.). *Visions of Community in Nazi Germany* 43–69.

¹⁰⁵ Winter and Robert (eds.). *Capital Cities at War*, 487–523; Offer, *The First World War*; Cox, 'Hunger Games', *Economic History Review*, Sept. 2014: doi: 10.1111/ehr.12070; Collingham, *The Taste of War*, 1, 8–32.

¹⁰⁶ Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*: Ирен к Эрнсту, 5 and 28 Sept. 1939.

мне пока не приходилось ходить туда. Там запросто часа два в очереди прстоишь». А между тем, как доносила СД, лавочники не знали, например, требовать ли разрешение на продажу перчаток, и если требовать, то на какие? Только на кожаные или и на холщовые тоже? Пере-тряска и отработка системы заняли два месяца и вылились во введение карточек на одежду, дававших большинству людей по 100 пунктов на текущий год, считая задним числом с 1 сентября. Скажем, носки и чулки стоили 5 пунктов, но отпуск больше пяти пар в год в одни руки запрещался, за пижаму списывали 30 пунктов, а за пальто или костюм – 60¹⁰⁷.

Обувщики, получавшие половину ввозимого сырья, тут же столкнулись с большими сложностями: скоро не осталось кожи даже на новые подметки; по всей стране сапожники говорили клиентам, что тем придется ждать от месяца до полутора или даже двух, причем и в случаях, когда речь шла об искусственных подошвах. Как бы то ни было, германский потребитель на протяжении последних шести лет и так фактически жил в условиях экономики военного времени. Даже возвращение к полной занятости не подняло уровень действительной оплаты труда до состояния на момент обвала 1929 г., а потому доходы домохозяйств росли только с получением работы большим количеством членов семьи. Годы перевооружения, поглощавшие неслыханные в мирное время 20 % внутреннего производства, приводили к сокращению выпуска одежды, мебели, автомобилей и товаров бытового назначения. Экономическая самостоятельность, диктовавшая сохранение ценных резервов иностранной валюты, ограничивала импорт товаров вроде настоящего кофе, превратив его в предмет роскоши еще до 1939 г. С целью сбережения шерсти и экономии на импорте хлопка в качестве замены натуральным тканям использовали штапельное волокно, особенно в зимних пальто, пусть материал и имел тенденцию растягиваться от намокания и отличался весьма незавидными теплоизоляционными свойствами¹⁰⁸.

Война способствовала дальнейшему ухудшению жизненных стандартов, снизив гражданское потребление на 11 % в течение первого года. Набор продуктов у народа Германии сделался более однообразным – основой служили хлеб, картошка и консервы. Пиво стало жиже, а колбасу наполнили разного рода добавки. Когда французские войска отступили с территории по Рейну около Келя, которую на короткое время заняли в ходе польской кампании, Эрнст Гукинг немного поживился брошенным противником снабжением. Смог послать пакет настоящего кофе Ирен и ее тетке в Гисен. Они страшно обрадовались возможности отдохнуть от искусственной бурды, известной в народе как «кофе Хорста Весселя» по причине того, что, как и нацистский мученик в партийном гимне, «зерна кофе маршировали там незримо»¹⁰⁹.

С мясом дело обстояло, однако, еще хуже. Германия зависела от поставок кормов из Северной Америки, перерезанных в результате установленной британцами морской блокады. Стоимость кормов уже осенью привела к уменьшению поголовья немецких свиней. В отличие от Британии в Германии многие занятые на производстве рабочие традиционно подкармливали сами себя за счет подсобных хозяйств – содержали кроликов или даже свинью, что было особенно характерно для шахтеров-угольщиков. Жители небольших городов стали шире прибегать к подобной практике – разводили кур и кроликов, однако свиньи утратили популярность не только из-за цен на корм, но и по причине лишения лиц, занимавшиеся «самообеспечением», карточек на мясо. Нехватка холодильных установок вызвала трудности с транспортировкой скоропортящихся продуктов по территории страны, отчего в Берлине скоро образовался дефицит молока. На западе Германии стада крупного рогатого скота настолько поредело, что позволяли покрыть только 35–40 % квот на мясо, тогда как на юге образовался его вре-

¹⁰⁷ Werner, 'Bleib übrig', 51–54; Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*: Ирен Райц к Эрнсту Гукингу, 24 Sept. 1939.

¹⁰⁸ *MadR*, 377–379; 20 Oct. 1939; Berth, *Biografien und Netzwerke im Kaffeehandel*.

¹⁰⁹ Tooze, *The Wages of Destruction*, 353–354; Corni and Gies, *Brot – Butter – Kanonen*, 556–557; Kleindienst (ed.). *Sei tausendmal begrüßt*: Ирен к Эрнсту Гукингу, 31 Oct. 1939.

менный избыток, и один бывший социал-демократ источал восторги по поводу возможности получать у своего мясника «ломти бекона без штампов рационирования»¹¹⁰.

Вводя продовольственные карточки на период в четыре недели, Министерство продовольствия старалось обеспечить максимальную гибкость: картофель представлялось возможным заменить хлебом или менее популярным рисом, если запасов какого-то продукта не хватало. Поскольку переносить действие карточек на другой месяц не разрешалось, отсутствовал риск накапливания претензий от тех, кто не удовлетворил потребности своевременно. Вместе с тем короткий срок использования и колебание спроса быстро превратили продукты в фетиш, когда фактический и вымышленный дефицит влиял на ситуацию совершенно непредсказуемо. Люди самых разных слоев общества, как не без кривой усмешки замечал один информатор социал-демократов, «говорят куда больше о провизии, чем о политике. Каждый полностью поглощен тем, как бы обеспечить себя пайкой. Как бы мне достать чего-нибудь сверх положенного?». По воскресеньям поезда местных линий заполнялись людьми, в том числе подростками в форме гитлерюгенда. Все спешили в сельскую местность в поисках продовольствия, подобно временам предыдущей войны. Как только страх перед инфляцией в военное время охватил народ Германии, многие бросились обращать наличность в какие-нибудь товары, пригодные для обмена позднее: в предметы роскоши вроде мехов, дорогой посуды и мебели, которые продавались свободно, пока не исчезли с прилавков¹¹¹.

К октябрю 1939 г. многие пребывали в убеждении, что теперь стране не удастся продержаться так же долго, как в прошлый раз, «поскольку тут уже совершенно нечего есть». Только солдаты, как считали все, не голодали. Негодование по поводу привилегированного положения и соответственного образа жизни должностных лиц нацистского режима выражалось в насмешках и анекдотах. Так, в Кёльне Йозеф Гроэ превратился в мишень для многих острогов; в начале октября кто-то вырвал портрет толстощекого гауляйтера из страницы местной газеты и пришил на доску объявлений одного завода, а внизу нацарапал:

«Один народ, один вождь, одна страна —
Перед законом все равны.
Гроэ от голода все пухнет, —
Коль нация одна, мы все так жить должны».

Целых четыре сотрудника гестапо занимались поисками злодея, но безрезультатно. К началу ноября иные из местных нацистских функционеров настолько боялись открытых обвинений в трусости и бездеятельности, что начали проситься на фронт¹¹².

Общественное недовольство подпитывалось и обострялось из-за разницы между словами и делами. Система распределения продуктов, настроенная на баланс между измеряемыми трудовым вкладом заслугами и бытовыми потребностями, вела к возникновению сложной иерархии в соответствии с положенным тому или иному гражданину по статусу. Самым жестким способом деления служила расовая принадлежность. На момент вспышки пожара войны в рейхе, по официальным документам, насчитывалось 185 000 евреев, то есть примерно 40 % от еврейского населения по состоянию на 1933 г. После ноябрьских погромов 1938 г. большинство молодых людей уехали, а оставшиеся представляли собой стареющую и уверенно нищую общину, сосредоточенную преимущественно в крупных городах, особенно в Берлине и во Франкфурте. Им запрещалось покупать белье, обувь и одежду даже для детей и подростков.

¹¹⁰ *MadR*, 353–354, 370, 378–379, and 436: 13, 18 and 20 Oct. 1939 and 8 Nov. 1939; Keil, *Erlebnisse eines Sozialdemokraten*, 2, 558.

¹¹¹ Werner, 'Bleib übrig', 129; *Sopade*, 1939, 6, 978; Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen*, 110–121; *MadR*, 580–581: 15 Dec. 1939.

¹¹² *Sopade*, 1939, 6, 979–980: Гроэ был гауляйтером Кельна и Ахена с 1931 по 1945 г. *MadR*, 421: 6 Nov. 1939.

Правда, продовольственные нормы для евреев поначалу ничем не отличались от общих, что очень бодрило Клепперов. Однако на карточках им ставили маркировку в виде красной буквы «J», то есть «Jude» – «еврей», чтобы соседи, лавочники и продавцы не забывали о том, с кем имеют дело в свете вводившихся то и дело новых постановлений; в них содержались указания на то, где могут отовариваться евреи и какие продукты им приобретать запрещено. Разные власти на местах вводили собственные комендантские часы для ограничения времени закупки, чтобы евреи не причиняли неудобств немецким лавочникам. Когда для заполнения мест в германской промышленности стали пригонять польских военнопленных и гражданских лиц, уровень положенных им благ тоже устанавливался ниже, чем у работавших рядом немцев¹¹³.

Один единый для всех шаблон в привилегиях, как в той же Британии, где над нацией витал дух несправедливости и некомпетентности в рационировании времен Первой мировой войны, отсутствовал даже в отношении «соотечественников арийцев». В Германии начали с трех базовых категорий: «обычные потребители», «занятые на тяжелых работах» и «занятые на очень тяжелых». Дополнительные оговорки делались для трудящихся посменно или ночью. Отдельно стояли малыши, дети в возрасте 6–18 лет, беременные женщины и кормящие матери, а кроме того, больные. К апрелю 1945 г. список разросся до шестнадцати различных категорий; в городах с населением свыше 10 000 жителей даже собакам полагались отбросы в соответствии со степенью полезности.

Система распределения основывалась на исследованиях в области питания. В 1937 г. объектом изучения выступали триста пятьдесят рабочих семей, в результате чего авторы вывели среднее необходимое потребление в 2750 калорий на человека ежедневно. В дальнейшем работа продолжилась, и под влиянием заинтересованных сторон картина претерпела изменения. Из Берлина зазвучали тревожные голоса о том, как бы нехватка протеина и жиров не вызвала бесплодие у девушек в подростковом и юношеском возрасте, что пошло бы во вред проводимой режимом политике поощрения рождаемости. Женщины воспользовались этим и заговорили о том, что, когда трудно прокормить имеющихся детей, нет смысла рожать новых. Глава Национал-социалистической народной благотворительности Эрих Хильгенфельдт настоял на введении программы «поддержки семьи» – выплат бедным семьям с целью помочь им выйти на должные нормы продовольственного потребления. На практике, однако, «поддержка семьи» отличалась изрядной скромностью, и задача ее состояла в том, чтобы не дать беднякам из немцев умереть с голоду, но при этом не нарушить «естественный порядок» меритократического социального отбора. То был механизм государственного распределения, нацеленный на обеспечение общественных потребностей, при этом никогда даже не пытавшийся выглядеть социалистическим или уравнительным¹¹⁴.

Скоро немцы неизбежно осознали несправедливость системы. При положенных им 4200 калорий в день рабочие в промышленности, занятые на «очень тяжелом труде», получали по максимуму. Не подлежавшие призыву как «незаменимые», такие люди имели высокую квалификацию, и индустрия, прежде всего крупные оборонные заводы, не хотели их терять. Подобные фирмы и компании могли рассчитывать на содействие Германского трудового фронта и местного гауляйтера, поэтому без особого труда продвигали своих рабочих в «высшую лигу» потребителей. Так называемые белые воротнички из всевозможных бюро, торговых контор и тому подобных заведений не пользовались поддержкой, оказываемой работающим в военно-промышленном комплексе, и наряду со специалистами из среднего класса

¹¹³ Strauss, 'Jewish emigration from Germany', 317–318 and 326–327; Kaplan, *Between Dignity and Despair*, 118, 132 and 150–155; Rosenstrauch (ed.). *Aus Nachbarn wurden Juden*, 118; Klepper, *Unter dem Schatten deiner Flügel*, 794–795: 28 Aug. 1939; Herbert, *Hitler's Foreign Workers*, 88–94.

¹¹⁴ Corni and Gies, *Brot – Butter – Kanonen*, 555–557; Werner, 'Bleib übrig', 126–127, 134 and 198–199; *MadR*, 2, 354 and 424: 13 Oct. and 6 Nov. 1939; Kundrus, *Kriegerfrauen*, 279–281 – по поводу пособий семьям военнослужащих и убежденности Министерства внутренних дел в том, что государственные субсидии не должны заменять частных заработков.

получали стандартную норму в 2400 калорий как «обычные потребители». Авторы исследования данного вопроса по заказу Германского трудового фронта еще в сентябре 1939 г. предупреждали, что карточная система поднимет уровень потребления у одной половины населения и снизит – у другой. Перераспределение ресурсов среди взрослых граждан произошло в том числе и от более старших к более молодым: сравнения данных по состоянию на декабрь 1937 г. и февраль 1942 г. в отношении 1774 лиц позволили установить, что работающие мужчины в возрасте 55–60 лет и женщины – 60–65 лет теряли вес, тогда как 20–30-летние мужчины и 20–35-летние женщины, напротив, набирали его. Материальное процветание молодых отражалось и в ослаблении контроля над ними со стороны социума и семьи¹¹⁵.

Авторы другого труда пришли к поразительным выводам: наиболее сильная потеря веса среди 6500 работающих в промышленности приходилась на долю занятых на тяжелом или очень тяжелом труде, то есть на представителей групп с правом на самое высокое снабжение. По всей видимости, мужчины отдавали часть пайка семьям. Чтобы изменить положение, власти требовали от управляющих заводами и фабриками устройства заводских столовых. Однако обед в столовой тоже стоил штампа в карточке, которая в противном случае позволяла приобрести нечто важное для семьи, поэтому толпы желающих в такие столовые не повалили. Популярностью пользовались только так называемые бутерброды Германа Геринга, раздававшиеся в процессе особенно продолжительных смен, и то по причине их статуса добавки к рациону. К концу 1941 г. в Министерстве продовольствия заподозрили, что со многих шахт подаются завышенные данные об отработанных персоналом часах для обоснования их лучшего обеспечения¹¹⁶.

4 сентября 1939 г. власти издали драконовский Военный декрет в сфере экономики, в соответствии с которым вводилась принудительная работа по воскресеньям, замораживались зарплаты, отменялась доплата за переработку и повышались налоги. Резко увеличилось количество сотрудников полиции на заводах и фабриках. Даже до войны государственному руководству приходилось иметь дело с недовольством представителей рабочего класса в связи с продолжительным рабочим днем. Бум в области производства вооружений создал нехватку рабочих рук, оказывая дополнительную нагрузку на имеющиеся человеческие ресурсы и истощая их. Добыча угля в январе 1939 г. снизилась, что привело к перебоям в его поступлении на железные дороги, а также к потребителям для отопления их жилищ. В то время как нацистские соглядатаи на производстве и действия органов подавления сделали коллективные выступления невозможными, трудовая дисциплина в сердце тяжелой индустрии – в Рурском бассейне – летом 1939 г. описывалась как «катастрофическая». Рабочие ответили на новый Военный декрет интенсификацией сопротивления снизу, уже зарекомендовавшего себя как действенная мера до войны. Число прогулов – особенно по понедельникам – росло наряду с уровнем заболеваемости и отказами работать сверхурочно. Руководство СД принялось убеждать политическое руководство ослабить напор, и правительство прислушалось к доводам разума, отменив сокращение зарплат и восстановив доплату за сверхурочные и работу по воскресеньям¹¹⁷.

В ноябре 1939 г. пришла ранняя и суровая зима, и железнодорожные перевозки затормозились. Работавшие с перенапряжением из-за необходимости обеспечивать нужды военной кампании в Польше, вывозить штатских лиц из Саара и поддерживать военную экономику, германские железные дороги теперь остро нуждались в подвижном составе для транспортировки продукции из угледобывающих районов Рура. В тот месяц обстоятельства вынудили Угольный синдикат Рейна и Вестфалии заложить в запасники 1,2 миллиона тонн угля. Нехватка его

¹¹⁵ Werner, 'Bleib übrig', 128–136.

¹¹⁶ Ibid., 127–128.

¹¹⁷ MadR, 363 and 384: 16 and 23 Oct. 1939; Mason, *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft*, 980–1234; Mason, *Social Policy in the Third Reich*, ed. Caplan, 345–346.

оказалась настолько серьезной, что даже в городках поблизости от Рура фирмам пришлось сокращать продолжительность работы и отпускать работников на рождественские праздники досрочно. Тут и там в Германии люди носили дома вещи для выхода на улицу. Школы – только открывшиеся после того, как послужили сборными пунктами для военных, местами размещения эвакуированных и даже складами урожая, – тут же снова закрылись из-за отсутствия отопления. В некоторых городах около угольных складов собирались толпы, и полиция буквально охраняла грузовики с целью не допустить их захвата. В начале января замерзли каналы, и баржи лишились способности привозить уголь в Берлин. Когда температура упала до -15°C , американский журналист Уильям Ширер не скрывал жалости к «людям, которые тащат мешок угля домой в детской коляске или на плечах... Все ворчат. Ничего не снижает моральный дух столь сильно, как длительные холода»¹¹⁸.

По мере углубления кризиса местные должностные лица начали самовольно отбирать для нужд местного населения уголь с проходивших через их территорию поездов. Бургомистр Глогау, например, распорядился разгружать вагоны, у которых «перегреваются оси». Взбешенный подобным эгоизмом, заместитель фюрера Рудольф Гесс вынужденно напоминал партийным функционерам на местах, что система распределения не сможет работать, если в каких-то районах страны люди не будут нести своей тяжелой ноши. И надо сказать, что в большинстве своем они ее несли. В известной степени из-за мер, введенных в предвоенные годы в целях проведения перевооружения, государственный контроль над ценами и распределение действовали на гораздо более серьезном уровне, чем в прошлую войну. В последующие годы карточная система – особенно распределение продовольствия – регулярно подвергалась критике за чрезмерную централизацию, косность и отсутствие учета местных обстоятельств, не говоря уже об областных традициях кулинарии, однако само по себе порицание говорит о своеобразной победе. Несмотря на кризисы, местный партикуляризм не сломал систему рационирования; она прожила по меньшей мере до 1945 г.¹¹⁹

В последующие зимы населению предстояло познать еще большую нехватку угля и «угольные каникулы» для школьников, но, по мере того как люди привыкали к невзгодам, это уже не имело такого большого значения. Первый угольный кризис новой войны вновь пробудил в обществе коллективные воспоминания и переживания прошлой, наводя как на государственные власти, так и на народ в целом страх перед повторением истории. В старом сердце немецкого трудового движения, в городах вроде Дортмунда, Дюссельдорфа, Дрездена, Билефельда и Плауэна, вновь начали появляться коммунистические лозунги вроде «Рот Фронт» и «Долой Гитлера». Люди неожиданно находили на своих рабочих местах или в почтовых ящиках марксистские листовки – некоторые из них из-за пакта со Сталиным отличались троцкистской направленностью. Из Вены и Линца доносили о возобновлении пропаганды за независимость Австрии и реставрацию Габсбургов. Однако политическое недовольство выплеснулось на улицы не в Германии или Австрии, а в Праге, где 28 октября 1939 г. состоялась крупная демонстрация прямо перед резиденцией гестапо. Во многих других уголках протектората Богемия и Моравия студенты и интеллектуалы устраивали тихие протесты и бдения. На них обрушился режим, не собиравшийся терпеть беспорядков среди ненемецких подданных. Если говорить о «соплеменниках» – германских и австрийских немцах, тут дело ограничилось саркастическими шутками, рисунками и надписями, но не вылилось в политические акции. Даже эмигранты-социалисты, надеявшиеся на революцию на протяжении предыдущих шести лет нацистской диктатуры, на исходе октября 1939 г. вынужденно признавали тщетность перспектив восстания: «Только если разразится голод, если он измотает их психику и, сверх всего

¹¹⁸ Werner, 'Bleib übrig', 53–54; Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen*, 120; Shirer, *Berlin Diary*, 219: 9 and 11 Jan. 1940; в то же самое время он высказал мнение, что накал кризиса начинает снижаться: Shirer, *This is Berlin*, 182–183.

¹¹⁹ Werner, 'Bleib übrig', 54–55 and 129: Гесс эту практику запретил, 17 Feb. 1940.

прочего, если западные державы добьются успехов на западе и займут значительные территории Германии, лишь тогда может прийти время и начнет зреть революция»¹²⁰.

Помня о прецеденте прошлой войны, полиция и органы социального обеспечения получили особые указания по реагированию на обострение подростковой преступности. К первым числам ноября 1939 г. СД уже уверенно называла «очевидно, наибольшей проблемой» для законности и порядка в Германии такое явление, как «трудные подростки». Молодые люди обоих полов собирались во вновь открытых танцевальных залах. В маленьких городках и в сельской местности они напивались, курили табак, резались в карты, совершенно никого и ничего не стесняясь. В Кёльне «все больше и больше молодых особей женского пола» собирались внутри и около центрального железнодорожного вокзала с целью повстречаться с солдатами «в такой манере, которая не оставляла сомнений в их намерениях... Из десяти застигнутых в обществе солдат девиц, ни одна из которых не состояла на учете в отделе полиции по борьбе с проституцией, пять страдали венерическими заболеваниями»¹²¹.

Первыми признаками тревоги по поводу «трудновоспитуемых подростков» для полиции, местных советов по делам молодежи и социальных работников стали, скорее всего, празднующиеся юнцы, собиравшиеся в стайки на перекрестках улиц. По отношению к девушкам участие в таких сборищах автоматически подразумевало неразборчивость в связях, занятие проституцией и венерические заболевания; в случае парней – воровство и неизбежное совершение «бытовых» преступлений. Нельзя назвать чисто нацистскими подобные весьма живучие – и гендерно-дифференцированные – взгляды на «преждевременное половое созревание» девиц определенного возраста и воровство среди мальчиков-подростков, раскатывавших на украденных велосипедах. Точно такие же стереотипы в поведении «трудных подростков» бытовали в Северной Америке, Западной Европе и Австралии со второй половины XIX столетия до 1950-х гг. Взрослые повсюду сходились во мнении, что ради спасения «трудных» детей и необходимости оградить общество в целом – не дать ему погрязнуть в порочном круге безнравственности – следует помещать их в соответствующие заведения¹²².

Несмотря на введение в военное время ограничений на социальные траты, число детей и подростков, отправлявшихся в исправительные дома, неизменно возрастало и к 1941 г. достигло ста тысяч человек, то есть, по всей видимости, полной вместимости, по причине чего не все «трудновоспитуемые» молодые люди попадали в соответствующие институты. Кого-то туда забирали, а кого-то нет, что походило на лотерею, хотя основной упор делался на традиционную клиентуру социальных чиновников – на детей городской бедноты. Большинство из них никаких преступлений не совершили; их посылали «исправляться» в «превентивных» целях или попросту потому, что видели в них угрозу обществу¹²³.

Бывший бенедиктинский монастырь в Брайтенау можно назвать одной из самых суровых исправительных колоний Гессена. Расположенный на холмах в излучине Фульды, комплекс зданий в стиле барокко со скатными крышами и закрытым внутренним двором уже одним своим видом заставляет сердце трепетать перед неумолимостью судьбы. Туда направляли детей и подростков, сбежавших из других, более открытых институтов. По прибытии малолетние

¹²⁰ Steinert, *Hitlers Krieg und die Deutschen*, 121; *MadR*, 357: 16 Oct. 1939; *Sopade*, 1939, 6, 983: данные с юго-запада Германии.

¹²¹ *MadR*, 416: 3 Nov. 1939.

¹²² Bock, *Zwangsterilisation im Nationalsozialismus*; Weindling, *Health, Race, and German Politics*; Usbourne, *The Politics of the Body in Weimar Germany*; Kühl, *The Nazi Connection*. Для сравнения см.: Mahood, *Policing Gender, Class and Family*; Abrams, *Orphan Country*; Fishman, *The Battle for Children*; Mennel, *Thorns and Thistles*; Ceretti, *Come pensa il Tribunale per i minorenni*; Wachsmann, *Hitler's Prisons*, 364–369. По приютам Барнардо и миграции в Австралию и Канаду см.: Coldrey, *Child Migration*; Dunae, 'Gender, generations and social class' // Lawrence and Starkey (eds.), *Child Welfare and Social Action*; по расистской политике в Австралии и Соединенных Штатах см.: Haskins and Jacobs, 'Stolen generations and vanishing Indians' // Marten (ed.), *Children and War*, 227–241; Haebich, 'Between knowing and not knowing', 70–90.

¹²³ См.: Stargardt, *Witnesses of War*, chapter 2; Dickinson, *The Politics of German Child Welfare*, 213–214; Hansen, *Wohlfahrtspolitik im NS-Staat*, 245.

колонисты проходили через рутину, обычную для взрослых узников и заключенных трудовых лагерей, которые обитали тут же: уличные попрошайки, бродяги, безработные и даже преступники, которых вместо тюремного срока помещали в Брайтенау для «перевоспитания», приучая к нравственному образу жизни, дисциплине и тяжелому труду, прежде чем счесть достойными возвращения в лоно «народной общности». Все имущество и одежда у детей и подростков отбирались, а взамен выдавалась грубая коричневатая-серая роба. Рабочий день у всех без исключения длился по меньшей мере одиннадцать или двенадцать часов. За опоздания на работу, побеги и другие нарушения обитатели лагеря наказывались – их избивали, что официально запрещалось, или даже, более того, заключали в карцер, или произвольно продлевали срок содержания, что официально разрешалось¹²⁴.

Среди обитателей исправительного дома находились несколько девушек, которые сами побывали жертвами сексуального насилия. 14-летний Рональд и его 13-летняя сестра Ингеборг поступили в лагерь для «коррекции воспитания» после того, как стало очевидно, что брат с друзьями принуждали ее к сожительству с ними на протяжении полутора лет. Как значилось в решении о направлении их на «исправление», «Рональд и Ингеборг уже в значительной мере трудновоспитуемые. Отец в вооруженных силах, мать вынуждена работать» и не может уделять должного внимания детям. Словом, «невозможно бороться с моральным разложением детей в родительском доме, а посему надлежит провести корректирующее воспитание»¹²⁵.

15-летнюю Анни Н. Отправили в Брайтенау после произведения ею на свет незаконно-рожденного ребенка в июле 1940 г. Она сообщила женщине, местному социальному работнику, как отчим пришел к ней в постель посреди ночи и силой взял ее, пока мать спала в той же комнате. Мужчины-чиновники, разбиравшие ее дело, девушке не поверили, и в Управлении по делам молодежи вынесли вердикт: «Она предоставлена сама себе, лжет и ведет распутный образ жизни»¹²⁶.

Случай Анни не просто типичный, а очень типичный: ее требовалось забрать из школы и спасти от улицы. Речь шла не о помощи собственно жертвам развратных действий, но о защите им подобных от вовлечения в такой же «порочный» круг. Нацистская политика проводилась в соответствии со сложившимися и широко распространенными взглядами. Религиозные консерваторы и либеральные реформаторы, юристы и психологи старательно не желали принимать во внимание свидетельства детей, когда речь шла о сексуальных действиях в отношении их, делая виноватым «испорченного» ребенка.

В феврале 1942 г. начальник Брайтенау советовал Управлению по делам молодежи в Апольде не спешить с использованием Анни Н. на работах за пределами исправительного учреждения: «Обычно с такими девицами требуется срок по меньшей мере в один год, чтобы вселить страх перед возвращением сюда, ибо только это [страх] может сделать ее ценным членом народной общности». 1 июня 1942 г. Анни скончалась от туберкулеза. И не одна она. Вальтрауд Пфайль умерла в течение месяца после повторной отправки в Брайтенау из-за попытки сбежать оттуда в Кассель летом 1942 г. Несколько месяцев спустя Рут Фельсманн погибла после двухнедельного срока в карцере. В августе 1944 г. Лизелотта Шмиц, как установили врачи в больнице Мельзунгена, похудела с 62 до 38 кг. Как и Анни, она подхватила в Брайтенау туберкулез и вскоре скончалась. Факты смерти девушек в столь юном возрасте из-за жестокого обращения с ними в лагере свидетельствуют об эрозии ведомственного надзора за применением дисциплинарных мер, что вполне характерно для нацистского государства. Сколько бы германское правительство ни беспокоилось о разлагающем воздействии нехватки продовольствия на духовный настрой гражданских лиц в Германии, война положила конец любым действенным

¹²⁴ Ayass, Das Arbeitshaus Breitenau, 162–169.

¹²⁵ LW V 2/8253 Ronald H., WeiMar. Amtsgericht, 10 Mar. 1942.

¹²⁶ LWV 2/8868, Anni N., 8–9, Kriminalpolizeibericht, 31 July 1940; Jugendamt Apolda, 13 Oct. 1941.

ограничениям в отношении выдернутой из «народной общности» молодежи, которую обрекали на голод и смерть от недоедания в стенах закрытых исправительных учреждений¹²⁷.

Выпускали подвергшихся воспитательному исправлению из подобных лагерей не вдруг и не быстро, поначалу отправляя их на испытательные работы – как правило, в ближайших крестьянских хозяйствах. Исправление шло под лозунгами тяжелого труда, прилежного поведения и послушания. При возникновении спора с фермерами или их женами работавшим у них детям и подросткам могли тут же напомнить о близости исправительного дома и верных шансах вернуться туда. Любовные интрижки девушек с солдатами вели к обследованиям на венерические заболевания; если же парни забывали, допустим, задать корм коровам после обеда в воскресенье, то это уже официально считалось саботажем и вредительством во время войны. Клеймо исправительного дома оставалось у подростков словно на лбу. Отправленная на попечение в такое заведение в возрасте 12 лет, Лизелотта К. шесть лет спустя пыталась оправдаться перед матерью, которую едва знала:

«Я была ребенком в то время и оставила тебя, но сейчас я уже выросла, и ты не знаешь, что я за человек... Забудь обо всем, что я тебе причинила. Я на все готова ради тебя. В этом письме обещаю тебе, что изменю свою жизнь из-за любви к тебе»¹²⁸.

Изолированная от общества и вполне оправданно опасавшаяся, что то самое общество держит сторону экспертов и управленцев, Лизелотта вовсе не испытывала уверенности, что общее презрение социума ограничивается лишь ее семьей. Для девушек вроде нее путь обратно в «народную общность» лежал через прилежание, воздержание и движение по четко очерченной линии. Это служило напоминанием другим – принадлежность к «народной общности» нужно еще заслужить.

По всей Германии дети неожиданно почувствовали куда больше свободы, чем прежде, и взрослые стали просить ответственных подростков приглядывать за младшими братишками и сестренками. Мужчин призывали в солдаты, а женщины оказывались как бы матерями-одиночками: им приходилось следить за детьми, которые то и дело оставались дома из-за закрытия школ, стоять в очередях за дефицитными товарами и ждать в приемных местных правительственных органов. В большинстве семей экономическое положение все чаще заставляло женщин устраиваться на работу. Иные становились у руля семейных дел, приходили в школьные классы заменять ушедших в армию учителей-мужчин. Женщины из рабочего класса шли трудиться на военные заводы, и неожиданно стало не хватать людей в традиционных и плохо оплачиваемых отраслях экономики с типично женским персоналом, таких как аграрный сектор и помощь по ведению домашнего хозяйства¹²⁹.

Отсутствовавшие дома отцы не могли не ощущать, как уменьшается вдалеке от дома их значение всевластных глав семейств. Не прошло и полумесяца с вторжения в Польшу, как столяр-краснодеревщик из Тюрингии Фриц Пробст наставлял сына-подростка Карла Хайнца: «Выполнять свои обязанности как немецкого мальчика тоже есть важный труд. Работай и помогай, где возможно, и не думай теперь об играх. Помни о наших солдатах, стоящих перед лицом противника... Чтобы потом и ты мог сказать: “Я внес свой вклад в спасение сегодняш-

¹²⁷ LWV 2/8868, Anni N., 30: Direktor Breitenau to Jugendamt Apolda, 24 Feb. 1942; LWV 2/9565, Liselotte W., Hausstrafen, 3; LWV 2/9009, Waltraud P., d. 12 Sept. 1942: 57–58; LWV 2/8029, Ruth F., d. 23 Oct. 1942; LWV 2/9163, Maria S., d. 7 Nov. 1943: 30 and 32; Liselotte S. in LWV Bücherei 1988/323, Ulla Fricke and Petra Zimmermann, 'Weibliche Fürsorgeerziehung während des Faschismus – am Beispiel Breitenau', MS, 86–87.

¹²⁸ LWV 2/9189, Лизелотта Ш., 16–19: письмо матери, 14 Jan. 1940.

¹²⁹ Winkler, 'Frauenarbeit versus Frauenideologie', 99–126; Westenrieder, *Deutsche Frauen und Mädchen!*; Bajohr, *Die Hälfte der Fabrik*; Sachse, *Siemens, der Nationalsozialismus und die moderne Familie*; Dörr, 'Wer die Zeit nicht miterlebt hat', 9–37 and 81–99; Kershaw, *Popular Opinion and Political Dissent*, 297–302; Noakes (ed.), *Nazism*, 4, 313–325 and 335–338.

ней Германии от разрушения”»¹³⁰. Подобно очень многим другим отцам, Пробст понимал, что не может напрямую контролировать старшего сына, и скрытый конфликт с Карлом Хайнцем скоро вырвался наружу. Война шла всего три месяца, а папаша Пробст уже укорял чадо:

«Карл Хайнц! Тебе должно быть немного стыдно за то, что ты так груб с матерью в такие времена. Разве я уже не говорил тебе однажды, думаю, год назад перед Рождеством, когда мама ходила за покупками, как ты должен обращаться с матерью? Надеюсь, ты этого не забыл. Ведь ты дал честное слово, что будешь вести себя подобающе. Ты что же, нарушил слово? Ладно, ты мне, пожалуйста, скажи поскорее»¹³¹.

Пробст писал жене словами поговорки: «Без строгости и щенка не вырастишь»¹³²¹³³. Столяр-краснодеревщик, трудившийся как самостоятельный предприниматель, он поступил на службу в инженерно-саперные войска, специализировавшиеся тогда на строительстве мостов на Западном фронте. 19 сентября Пробст мог с гордостью сообщить жене о первом крупном достижении: его часть только что сдала мост длиной 415 и шириной 10 метров. Пробст, конечно, не знал, когда и как сооружение будет использовано.

Для большинства немцев война шла где-то там вдалеке. Кампания в Польше закончилась и сменилась месяцами затишья на западе. Если вести речь о боевых действиях, то СМИ говорили и писали только о подводной кампании против Королевского ВМФ и установленной им блокаде Германии. В 1914 г. жадная до новостей публика буквально штурмом брала киоски, расхватывая специальные выпуски периодики. В сентябре 1939 г. резко пошел вверх спрос на радиоприемники – продажи подскочили на целых 75 % по сравнению с прошлым годом, в результате чего общее количество владельцев такой аппаратуры составило свыше 13,435 миллиона человек. Слушание новостей приобрело невиданное прежде значение, хотя недостаток известий о боевых действиях порождал в народе опасение, что правительство утаивает плохие новости, особенно касательно потерь в воздухе и под водой. Если верить рапортам СД, информационный голод заставлял людей сетовать, что они «достаточно зрелые в политическом плане, чтобы лицом к лицу встречать печальные события и плохие новости»¹³⁴

---

¹³⁰ MfK-FA, 3.2002.0306, Фриц П. к семье: 13 Sept. 1939.

¹³¹ MfK-FA, 3.2002.0306, Фриц П. к семье: 30 Nov. 1939.

¹³² В ориг. *a strict upbringing is good for character-building* (дословно «строгое воспитание хорошо для формирования характера»). – Прим. науч. ред.

¹³³ MfK-FA, 3.2002.0306, Фриц П. к семье: 29 Sept. 1939.

¹³⁴ Ross, *Media and the Making of Modern Germany*, 355–356; MadR, 334: 9 Oct. 1939.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.